

Владимир
ВОЛКОВИЧ

18+

От

ЛЮБВИ

до

СУДЬБЫ

18+

Владимир Волкович
От любви до судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Волкович В.

От любви до судьбы / В. Волкович — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-07696-9

Самое важное чувство человеческой цивилизации - любовь. Она способствует рождению новой жизни и созданию шедевров, ради неё идут на подвиг и на смерть. И пусть любящих разлучают войны, десятилетия лагерей, похоронки, любовь не кончается. Она сильнее смерти, она спасает в ситуациях, несовместимых с жизнью, и те, которых считали погибшими, возвращаются. Дети, выросшие под сенью любви, повторяют судьбу родителей. Необыкновенная история длиною в жизнь, рассказанная в книге, произошла в действительности, и герои имеют своих реальных прототипов.

ISBN 978-5-532-07696-9

© Волкович В., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Часть первая. Лихолетье	5
Глава первая. Шоколад на снегу	5
Глава вторая. Нос incipit vita nova[1]	8
Глава третья. Расставание	11
Часть вторая. Разлука	14
Глава первая. Кто даёт, тот и отбирает...	14
Глава вторая. Одна	20
Часть третья. И продолжается жизнь	24
Глава первая. Живой	24
Глава вторая. На войне, как на войне	27
Глава третья. Плен	37
Глава четвёртая. Подследственный	41
Глава пятая. Из огня, да в полымя	47
Глава шестая. Шарашка	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Выражаю глубокую благодарность Полине Соломиной, поведавшей удивительную историю жизни и любви своих родителей.

Автор

Часть первая. Лихолетье

«...мир описывается всего в двух терминах: «ЛЮБОВЬ» и "Не любовь»

Мать Тереза

Глава первая. Шоколад на снегу

Свирепый, уральский мороз хватал за щёки, слезил глаза, норовил забраться в рукава овчинного полушубка. Аля потрогала рукавицей с отделённым указательным пальцем заиндевевшую винтовку, висевшую на плече. Она представляла, как срывает её при появлении диверсанта, который почему-то, виделся ей похожим на карикатуру знаменитых Кукрыниксов.

Уже второй час она стояла на этом посту, а впереди ещё целая ночь. Они с подругой менялись каждые два часа, больше девчонки не выдерживали на морозе. Сегодня её бригада дежурила по графику. После того, как военизированная охрана в полном составе ушла на фронт, каждая бригада их завода выделяла людей на сторожевые посты. Аля обхватила руками плечи и задумалась: «никак не привыкнуть к этому холоду».

Два с половиной года назад они с мамой бежали от немцев из родного, тёплого Кишинёва. И вернуться, видимо, доведётся не скоро. А две недели назад получили похоронку на отца, с тех пор мама не встаёт.

Резко скрипнул снег под чьими-то шагами, Аля сорвала с плеч винтовку.

– Стой, кто идёт!

– Свои.

– Какие ещё свои?

Ответа не последовало, и Аля поставила палец на спусковой крючок.

– Стой, стрелять буду.

Она это крикнула для остротки потому, что никогда в жизни не стреляла в человека, и боялась, что и сейчас не сможет. Да и человека пока не было видно. Она напряглась, ожидая, когда силуэт выступит из темноты в круг света, чётко очерченный жестяным зонтиком, прикрывавшим висящую на столбе лампу. Вот человек появился, Аля слегка нажала на спусковой крючок, не решаясь надавить на него сильнее.

– Не стреляй, свой я. Не узнаёшь, что ли?

Она с облегчением, что не надо никого убивать, узнала парня из кузнечнопрессового, который крутился возле неё в последние дни.

– Чего тебе надо, что ты шляешься возле поста?

– Я не шляюсь, я к тебе пришёл.

Она всматривалась в совсем ещё детское лицо подошедшего парня, который не сводил с неё сверкающих глаз. Он держал в руке какой-то небольшой свёрток.

– Ещё секунда, и я бы в тебя выстрелила.

Парень зябко поёжился, но быстро нашёлся:

– Это счастье – умереть от рук такой девушки.

Аля слегка улыбнулась уголками губ, ей никто ещё не говорил подобного, но тут же сделала строгое лицо:

– Что это у тебя?

Ей в каждом виделся шпион и диверсант, сказывались бесконечные, вбитые в голову инструкции.

– Это тебе, – он протянул ей свёрток, Аля взяла, открыла, взмахнула рукой, и в ту же секунду в воздух взлетела стая из разноцветных фантиков. Шоколадные конфеты рассыпались на снегу. – Ты... ты, – парень хватал ртом морозный воздух, потом сделал движение, чтобы собрать конфеты. Но, видимо, мужская гордость и самолюбие не позволили ему елозить по снегу у ног девушки. Он повернулся и молча, ушёл в темноту.

Аля сникла, куда подевались её смелость и решительность. Вот так всегда: сначала грубо оттолкнёт человека, а потом жалеет его. Она представила, чего стоило ему достать шоколадные конфеты в промёрзшем, полуголодном городе. Он преподнёс их, наверное, вместо цветов, о которых нечего было, и думать посредине уральской зимы, посредине жестокой войны.

На заводе Аля слыла горячкой и недотрогой. В свои восемнадцать ещё ни с кем не гуляла, ничего не позволяла парням, ни разу не целовалась. Она была очень привлекательна и сознавала свою красоту, но ей никто не нравился. Девчонки все уже имели ребят, которых с каждым военным годом становилось всё меньше, проводили с ними ночи, а она бежала после работы домой, к заболевшей матери.

Ну, ладно, завтра сама к нему подойду, решила она, но так и не смогла представить, как это произойдёт, и что ему скажет. Для неё это было почти невозможно.

Они встречались, обычно, в заводской столовке, где на обед собирались рабочие из всех цехов, здоровались, и расходились по своим местам. Аля ловила, изредка, его взгляд на себе, пристальный и вопрошающий, но так на неё многие смотрели. Сегодня, однако, этого парня не увидела. «Обиделся, подумала, придёт в другое время, или решил совсем не обедать, не хочет встречаться со мной». Но, закончив смену, и выходя из проходной, как будто случайно зацепила взглядом знакомую фигуру, притулившуюся у стенки.

Аля гордо подняла голову и хотела, как всегда, пройти мимо, но непослушные ноги понесли прямёхонько к нему. Он рванулся навстречу, и вот они уже стоят друг против друга, дышат глубоко, как будто бежали длинную дистанцию, и... молчат.

Первой не выдержала Аля, видимо, чувствуя себя виноватой:

– Прости, вчера так получилось...

– Это ты прости, вечно я делаю всё не так, как надо.

– А как надо?

Она уже ощущала себя свободней, и взяла инициативу в свои руки, девушки всегда взрослее парней – своих однолеток.

Он промолчал, и тогда она спросила:

– Как звать-то, тебя?

– Борис. А тебя я знаю, как, Аля, – выпалил он, думая, что ей это будет приятно. А ей и в самом деле, было приятно. Она только сейчас внимательно разглядела его: высокий, широкоплечий, с правильным овалом лица, ясными, светлыми глазами, и густой шапкой чёрных волос. Аля нашла его даже симпатичным.

Они медленно шли по узкой тропинке в снегу, который никто не убирал, шли почти вплотную, чтобы не вступить в сугроб. От этого чувствовали какую-то близость, словно невидимые ниточки протянулись между ними.

Рассказывали всякие истории из своей жизни, перебивая и перескакивая, но нисколько не обижаясь на это. Как-то, само собой, им стало легко и свободно, будто они знакомы уже сто лет, и можно рассказывать всё-всё или почти всё, не думая, какое это произведёт впечатление.

Поначалу ещё немножко стеснялись и были напряжены. Но увлекались и забывали, что надо как-то по-особому держаться, чтобы произвести впечатление.

Около Алиного дома долго стояли, ежась и переминаясь с ноги на ногу от холода, пока Аля, чувствуя угрызения совести – больная мать хотя и не выскажет ничего, но ведь самой стыдно, не отважилась:

– Ну, давай прощаться, – и протянула Борису руку.

Борис взял её руку двумя своими и, вдруг она почувствовала, как в щёку ткнулся его холодный нос. Тогда, повинуясь безотчётному порыву, она обхватила его курчавую голову руками, поднялась на цыпочки и поцеловала в губы.

Глава вторая. Нос incipit vita nova¹

Они встречались каждый день кроме тех дней, когда он уезжал на стрельбище. Вечерами гуляли по тёмным улицам, а когда замерзали, заходили в заводской клуб. Сторож пускал погреться, они сидели в углу большого тёмного зала, прижавшись, друг к другу, и почти беспрерывно целовались. Больше идти было некуда. У Али дома больная мать, а Борис жил в общежитии, в комнате кроме него обитали ещё трое ребят.

Приближался Новый год, и они мечтали встретить его вместе.

Аля приступила к обработке мамы:

– Мама, давай пригласим Борю на Новый год, – и, не давая, матери опомниться и ответить, – знаешь, какой он хороший, тебе обязательно понравится.

Мать улыбнулась понимающей улыбкой, отчего, вокруг глаз заплясали лучики морщин:

– Ладно, уж, не расхваливай, приглашай. Лишь бы тебе нравился.

Аля подошла к матери, обняла её, погладила по наброшенному на плечи пуховому платку, и прошептала на ушко:

– Он мне нравится мама, очень, очень!

Борис уже неделю был на казарменном положении, в городе комплектовалась стрелковая дивизия, но на праздник его отпустили в увольнительную. Он обменял золотые часы на бутылку спирта, получил праздничный допаяк, а когда стемнело, направился к знакомому дому. Падающий из окон свет немного освещал улицы, электричество к празднику давали полной меркой. В доме его уже ждали, едва он открыл калитку, дверь распахнулась, и в проёме показался знакомый силуэт в накинутой на плечи шали. Аля обняла Бориса, прижалась к нему и, целуя в губы, в тщательно выбритые щёки, повторяла:

– Я соскучилась, я соскучилась, я соскучилась.

Так, в обнимку, они и ввалились в прихожую, которая служила одновременно кухней. Мать повернулась от печки, где хлопотала с ужином, и Аля, опомнившись, представила:

– Мама, – это Боря, Боря, – это мама.

И тут же смутилась, она совсем забыла, что у мамы есть имя-отчество. Мать, почему-то, протянула руку и Борис, взяв её, вдруг понял, что неловко мужчине пожимать руку женщине. Тогда он нагнулся, и едва коснувшись губами, поцеловал протянутую руку. От этого все смутились ещё больше, но мать быстро заговорила нарочито торжественным голосом, чтобы снять неловкость:

– Товарищи, прошу к столу.

Стол, наполненный военными лакомствами, очень сочетался с наряженной ёлочкой, которую несколько дней назад принёс Борис. Аля тоже получила хорошее дополнение к обычным заводским карточкам.

Этот стол, оставшийся от прежних хозяев, был велик для троих, поэтому все разместились свободно: Аля рядышком с Борисом, а мама чуть поодаль.

Борис наполнил невесть откуда взявшиеся хрустальные бокалы прозрачной жидкостью и поднялся.

– Ну, – голос у Бориса внезапно сел, он откашлялся и уже твёрдо произнёс: – За то, чтобы новый, сорок четвёртый год, принёс нам победу.

Залпом опрокинул в себя бокал, а мама и Аля отпили немного. Разбавленный спирт весело побежал по жилам и неловкость, висевшая поначалу в воздухе, растаяла.

¹ Нос incipit vita nova (лат.) – так начинается новая жизнь.

Мать задавала вопросы Борису, а тот был в ударе, шутил, смеялся. Наконец, она попросила Бориса налить и поднялась. Улыбка уже сбежала с её усталого лица. Подняв бокал, посмотрела на парня, потом на Алю, и негромко, но торжественно произнесла:

– За вас, дети мои. За ваше счастье, и за вашу радость! – потом, помолчав, добавила: – И за вашу любовь, пусть она будет всегда.

Три бокала звонко сошлись над столом, все выпили, Аля, поставив бокал на стол, прижалась к руке Бориса и вдруг неожиданно для самой себя привстала на цыпочки и поцеловала его в щёку. И тут же смущённо посмотрела на мать. Та улыбнулась, и направилась к стоящему в углу на тумбочке патефону. Игла легла на большую пластинку, с красным кружком в центре, раздались звуки медленного вальса.

Борис церемонно подошёл к Але, они начали тихонько кружиться, насколько позволяла небольшая комната. Смотрели друг на друга, что-то говорили, и ничего не замечали вокруг. Когда опомнились, стояли, обнявшись, пластинка шипела, матери в комнате не было. Аля вспомнила, как мать говорила перед ужином:

– С вами, молодыми посижу, да пойду к тёте Нюре. Одиноко ей, на мужа и сына похоронки получила. Поболтаем по-бабы, утешу, как смогу, да там, наверное, и заночую.

Борис и Аля так и стояли посреди комнаты, не в силах оторваться друг от друга, он целовал её губы, глаза, щёки, осторожно касался губами тонкой, нежной кожи на шее.

Она прижалась к нему животом и бёдрами, тело её трепетало, она знала, что сегодня должно произойти, и желала этого.

Аля выключила верхний свет, оставила только одну свечу, и потянула Бориса в свою маленькую спальню, одну из двух комнат их небольшого дома. Он снова обнял Алю, губы их слились, потом отстранил от себя и дрожащими руками начал расстёгивать её кружевную жилетку. У него ничего не получалось, тогда Аля сама сняла жилетку через голову, потом кофточку и юбку, и осталась только в трусиках с кружавчиками.

Они были неопытны, неловки, у них это было в первый раз, но переполнявшие их чувства, восторг от близости, огромная нежность, желание обладать друг другом, раствориться друг в друге, подсказывали, что надо делать.

Борис шептал ей какие-то слова пересохшими губами, перемешивая их с поцелуями, а Аля тихонько постанывала:

– А-а-а, о-о-о...

Потом они лежали умиротворённые, обвив друг друга руками и ногами, лишь губы изредка, находили другие в полумраке...

Пожениться решили сразу, но в ЗАГС попали только через месяц. ЗАГС работал не каждый день, и Борису никак не удавалось совместить с его работой свои увольнительные.

В полупустом промёрзшем ЗАГСе их встретила пожилая женщина в ватной телогрейке. Дуя на озябшие руки, она внимательно смотрела на молодых, ожидая что они скажут.

Борис, чувствуя свою мужскую ответственность, начал говорить первым:

– Вот, решили пожениться.

– Да, уж вижу, что не разводиться пришли. А почему сейчас, время, вроде бы не совсем подходящее.

– Мы, это, – Борис даже заикаться начал от волнения, – я на фронт ухожу, мы хотим быть мужем и женой.

– Ну что ж, вот вам время на размышление – три недели.

– Нет, нет, – заговорили они разом, – мы не можем ждать.

– А я не могу нарушать закон.

– Ну, может быть в виде исключения, – Борис пытался применить всё своё обаяние, – сейчас ведь немногие женятся.

– Да совсем никто не женится, ну так что с того, закон есть закон.

И тогда Аля, вдруг, выпалила:

– Беременная я, – и густо покраснела.

Борис удивлённо посмотрел на неё похоже, что для него, как и для заведующей ЗАГСа, это заявление было новостью.

Заведующая сразу как-то помягчала, на лице её проступила печать усталости и плохо скрываемой боли:

– Дети – это прекрасно, война скоро кончится, детей надо будет растить, – и, помолчав, добавила: – Да нынче почти никто и не рожает. Ладно, давайте документы, а свидетели есть у вас?

– Сейчас, – Борис вскочил и помчался к двери, – сейчас приведу.

На улице было пустынно. Он добежал до перекрёстка и увидел странную пару: старичок в длинном тулупе держал под руку женщину, замотанную платком. Они медленно шли вдоль заснеженных деревьев.

Борис подбежал к ним и стал путано объяснять, что им нужны свидетели, это займёт совсем немного времени. Старичок посмотрел на него поверх очков и изрёк:

– Не морочьте мне голову, молодой человек, я сестру в больницу веду. Ступайте, себе...

– Я могу помочь, – откуда-то вынырнул ладный, стройный лейтенант в белом полушубке, – сейчас ещё кого-нибудь тормознём.

Вскоре, они стояли перед заведующей ЗАГСом: Борис с Алей, и лейтенант с молодой, элегантной женщиной, которую он уговорил на улице послужить на благо отечества.

– Именем... объявляю... мужем и женой.

Голос заведующей слегка дрожал, казалось, она еле сдерживает слёзы. Молодые надели кольца, которые Борис выменял на местном «толчке» за две банки тушёнки. Лейтенант поздравил их, подхватил под руку женщину и исчез, так же внезапно, как и появился.

Борис и Аля направились к выходу, держась, всё время за руки, словно боялись отпустить их, и потерять друг друга. Уже были в дверях, когда заведующая со стоном опустилась в кресло, плечи её вздрагивали.

– Что с вами, что случилось? – Борис и Аля подбежали и обступили её, Борис подал стакан с водой.

Заведующая вытерла глаза и махнула рукой:

– Идите уж, счастья вам, – и когда они уже были на пороге, вдруг тихо и просто добавила им вслед: – Сына у меня убили недавно, вот похоронку получила.

Глава третья. Расставание

Свадьба была скромная, собственно, свадьбы, как таковой, и не было. Посидели дома у Али. Два товарища Бориса, две подружки Али, да мать ещё пригласила соседок.

Борис взял увольнительную на сутки, а товарищи его должны были вернуться в часть. Мать выделила молодым маленькую комнату, которая и так служила спальней для Али. Вместе поспать им сейчас удавалось редко, всю шла боевая учёба, и увольнительные не предоставляли.

Борис всеми правдами и неправдами выкраивал ночку раз в неделю, чтобы поспать с молодой женой. Медовый месяц всё равно оставался таковым. Они с жадностью бросались в объятия друг друга, и забывали обо всём в безумном порыве желания.

Забывали о том, что за окном мороз, что идёт жестокая война, пожирающая людей, что совсем скоро на эту войну отправится Борис.

Каждую дарованную им судьбою ночь, они проживали как целую жизнь. Они дорожили минутами и часами, проведёнными вместе. Ночами, которые отрывали у войны, не могли позволить себе уснуть. Утром покачиваясь, едва перемолвившись двумя словами, выпивали по кружке горячего чая и расходились, каждый в своём направлении: Аля – на завод, Борис – в часть. Аля с трудом скрывала тёмные круги под глазами, используя дефицитную, ещё довоенную пудру, отданную ей соседкой, той самой, у которой погибли муж и сын.

Как-то, Борис, лаская губами её плоский, дурманящий животик, спросил, вспомнив слова Али в загсе:

– Скажи, это правда то, что ты сказала тогда заведующей?

Аля не стала переспрашивать и делать вид, будто забыла, о чём речь:

– Понимаешь, у женщин каждый месяц бывают такие дни, критическими называются.

– Знаю, знаю, – перебил её Борис, уж очень ему хотелось показать, что в свои восемнадцать лет, он тоже в этих делах разбирается.

– Так вот, в этом месяце у меня этих дней не было, – спокойно, не подвергая сомнению глубину познаний Бориса в женских делах, произнесла Аля.

– И что это значит?

– А что это значит, скажет врач, к которому я собираюсь завтра.

Борис перенёс свои скудные пожитки к Але, но жил в казарме. В городе и окрестностях формировалась стрелковая дивизия. Под таким же номером эта дивизия воевала под Киевом, но её расформировали. Она была сильно потрёпана и потеряла знамя. Теперь её формировали вновь. Бориса назначили в разведроту. Зима в этом году выдалась снежная и бойцы, с криками «Ура!», по колено в снегу, штурмовали заснеженные, покрытые лесом горы Южного Урала. Вечером в казарме висел густой дух сушившегося обмундирования и портянок.

В последние дни их уже не поднимали для учебных маршей и стрельб. В штабе полка лихорадочно собирали в ящики бумаги, водители полковой техники аккуратно грузили запчасти, приспособления, оборудование. Особенно много возни было в оружейном складе. Борис чувствовал, что скоро в путь, и крутился вокруг ротного:

– Товарищ старший лейтенант ну хотя бы на часок отпустите.

Ротный был в курсе, что Борис совсем недавно женился, но увольнительные были строго запрещены.

– Ты ведь знаешь, что нельзя, отпущу, как только смогу.

Борис уже совсем отчаялся, по ночам не мог уснуть, при мысли о том, что ему не удастся попрощаться с Алей, сердце сжималось в комок, зубы скрипели, а руки намертво впивались в деревянную стойку нар.

Вечером дневальный передал Борису, что его вызывает ротный. Борис со всех ног помчался к небольшому бревенчатому домику, который занимал командир роты.

– Завтра утром погрузка, – ротный хмурил брови, чтобы казаться серьёзней, был он лет на пять старше Бориса, но уже два года повоевал, и после ранения его направили в эту часть. – Я отпускаю тебя на ночь, утром, чтобы был как штык в части.

– Есть товарищ старший лейтенант.

– Смотри, не опоздай, а то без тебя войну закончим.

Борис готов был расцеловать ротного от избытка чувств. Тот умел ценить людей и заболел о них. Но судьба отпустит ему недолгий срок, дожить до конца войны она ему не даст.

Они не торопились, почти не разговаривали, только тщательно изучали тела друг друга, может быть для того, чтобы сохранить их навсегда в своей памяти. Мать, после вечернего, прощального ужина заторопилась, как всегда, к соседке до утра. Она понимала, что значит для молодых эта последняя ночь.

Борис уходил на войну, как уходили миллионы мужчин до него, и не всех хранила судьба. Он нравился матери, и она благодарила Бога, что её единственной недотроге-дочери достался именно такой муж. Мать работала в военкомате, но у неё даже мысли не возникало, что ему можно будет избежать фронта, отсидеться в тылу, как это пытались сделать некоторые призывники, по рассказам её знакомых. Этот вариант даже никогда не обсуждался ими.

Последняя ночь вместе.

Аля лежала на спине, руки её то зарывались в его густые волосы, то гладили мускулистые плечи и спину, пока он целовал каждый сантиметр её прекрасного тела.

Потом переворачивала его на спину и начинала уже своё путешествие – от мягких, тёплых губ, и слегка колючих щёк. Зарывалась лицом в его чёрные, приятно щекочущие волосики на груди и животе.

Они были раскованы, они были свободны, они не стеснялись ни своих тел, ни своих чувств. Они расставались, возможно, навсегда. И хотя не говорили об этом, всегда помнили. Чёрные платки на головах женщин, ставшие привычной деталью одежды, не давали забыть это ни на минуту.

Хмурое, зимнее утро постучалось в окно. Бледный свет едва пробился сквозь заклеенные на зиму газетными полосками рамы, высветив разбросанную по комнате одежду, и забывшихся в предутреннем сне влюблённых. Они лежали, обнявшись. Утомлённые бессонной ночью, они даже в этом коротком забытии не могли, не хотели расставаться друг с другом.

Стукнула входная дверь – пришла мать. Аля слегка открыла глаза, потянулась, и ещё крепче прижалась к Борису. Как не хочется отпускать его, как не хочется расставаться с тем, кто стал ей самым родным и желанным. Она приподнялась на локте, и коснулась губами его искусанных ночью губ. Борис пошевелился, но не проснулся. Тревожно заныло сердце. Пусть ещё пять минут поспит, Аля осторожно высвободилась из его рук и вышла в переднюю. Мать уже хлопотала на кухне. Аля обняла её и заплакала. Этого не случилось с ней давно, с самого детства.

– Не надо доченька, он не должен видеть тебя такой перед отъездом, – мать вытерла слёзы с лица дочери, – пусть у него останется в памяти твоё счастливое и спокойное лицо. – И легонько подтолкнула Алю: – Буди своего ненаглядного.

Они стояли посреди комнаты, смотрели друг на друга и молчали. Казалось, каждый впитывал в себя другого, вбивал в свой мозг, в своё тело, в свою память, чтобы остаться там навсегда. Аля не выдержала первой, рванулась к Борису, обхватила его руками, прижалась всем телом. Рыдание подступило к горлу. Она вспомнила наказ матери, но это было сильнее её. «Прости мама, я не могу».

Плечи её затряслись, и она забилась в его руках, как раненая птица. Он целовал её мокрое лицо, ловил губами слезинки, и говорил:

– Ну, Аленька, хорошая моя, успокойся, всё будет так, как мы хотим.

Аля согласно кивала головой, но поток слёз остановить не могла.

– Аленька, тебе нельзя волноваться, – и добавил: – Ты должна сейчас думать о нашем сыне. – Аля несколько раз порывисто вздохнула и бессильно повисла на его руках, – с нами ничего не случится, ведь у нас будет сын, – в голосе Бориса уже зазвучали нотки главы семьи, ответственного за её благополучие.

Эта мысль о будущем сыне внушала Борису странное спокойствие, он уже не боялся ничего, ни войны, ни даже смерти, ведь у него будет продолжение на этой Земле.

Уже совсем рассвело, когда Борис подходил к части. Из ворот, по направлению к станции, медленно выдвигалась солдатская колонна.

Часть вторая. Разлука

«Любовь сильнее разлуки, но разлука длиннее любви».
Иосиф Бродский

Глава первая. Кто даёт, тот и отбирает...

Потянулись однообразные серые дни, похожие друг на друга, как близнецы. Весна чувствовалась повсюду: снег порыхлел и почернел, в лесу, расковыряв сугроб, можно было найти проклюнувшиеся сквозь влажную, травянистую почву, подснежники. Город, раскинулся на горах и весенняя дымка, туманя старые бревенчатые дома, сползала вниз, к пруду. Дороги стали скользкими и водители, чтобы машины не елозили на крутых подъёмах и спусках, надевали на колёса цепи. Аля по-прежнему работала на заводе, и ходила на пост, живот ещё не был заметен, зимняя одежда скрывала его.

Война катилась на запад, но в городе, далёком от её пожирающего огня, это совсем не чувствовалось.

Она жила письмами. Вся жизнь разделилась на периоды: от письма – до письма. Сначала, получив заветный треугольник, проглатывала содержание письма, забывая об окружающем. Потом внимательней читала во второй раз, в третий, в десятый, пока это содержание не выучивалось наизусть. И только после этого садилась писать ответ, который тоже занимал несколько дней. Лишь, после отправки письма, начинался второй период – ожидание ответа оттуда.

Борис описывал бои, своё солдатское житьё, украшал письма лозунгами, взятыми из газет, о том, что наше дело правое, и мы победим. На полях часто появлялись его рисунки товарищей и командиров, или какие-то смешные рожицы. И всё это перемежалось такими пронзительными словами нежности, что у Али сладко ныло сердце, и слёзы наворачивались на глаза. Эти письма придавали ей силу, внушали надежду.

В ответ писала Борису о заводе, о своих переживаниях, о первом движении ребёночка, о том, как она скучает.

Прекрасно знала, что и Борис ждёт от неё весточек и хранит их у сердца, и перечитывает помногу раз. Незадолго перед отъездом Бориса они сфотографировались, и каждый взял себе фото. Теперь его фотография стояла на столике, и когда писала, смотрела на неё и разговаривала с Борисом. Иногда теряла реальность, ей казалось, что он тут рядом, стоит только протянуть руку и коснётся его гимнастёрки.

Весна незаметно перешла в лето. Теперь можно было собирать в лесу грибы и ягоды, и это было хорошим подспорьем к бесконечным крупам, консервам и картошке.

Аля с подружками, такими же заводскими девчонками, иногда приходила в госпиталь ухаживать за ранеными. Это вносило некоторое разнообразие в монотонное существование. Раненые радовались их приходу, девушки напоминали им оставленных где-то родных.

В углу одной из палат лежал лётчик-капитан. Он почти всё время молчал, в общих разговорах участия не принимал, только смотрел своими чёрными глазами пристально, как будто сверлил человека. Аля чувствовала его взгляд на себе. Однажды, обернулась и нарочно уставилась в лицо, в глаза его, но он не отвёл взгляда.

Медсестра рассказала ей, что он сбил более двадцати немецких самолётов, дважды прыгал с парашютом из горящего самолёта. Звания Героя ему не дали потому, что нагрубил какому-то начальнику, послал того подальше. И ещё рассказала медсестра, что вся семья его погибла – расстреляли под Киевом, в Бабьем Яру.

После этого Аля внимательно рассмотрела капитана: он был красив, даже шрам на левой щеке не портил его, а только подчёркивал мужественность. Светлые, прямые волосы, разделённые пробором, спадали на лоб, и он отбрасывал их рукой. Вся его худощавая фигура выражала порывистость, резкость, решительность.

Ну, прямая противоположность Борису, подумала Аля и, вдруг поймала себя на мысли, что смотрит на капитана заинтересованно, как на мужчину, и от этой мысли покраснела.

Частенько, перед ранеными выступали школьники со стихами и песнями, после этого объявляли танцы. Госпиталь располагался в бывшем сельхозтехникуме, и всё происходило в актовом зале.

В один из таких дней девчонки уговорили Алю остаться на танцы. Она совсем не собиралась танцевать, животик уже немного выпирал, и приходилось надевать свободное платье, чтобы он был меньше заметен. Ей просто захотелось посмотреть, она давно не была на таких вечерах, только в школе, до войны. И атмосфера ожидания чего-то необыкновенного, которая всегда присутствовала на танцах, захватила её.

Капитан подошёл незаметно, и пригласил:

– Разрешите.

Она, неожиданно для себя, согласно кивнула головой. Они танцевали медленный фокстрот. Узнали, как зовут друг друга, и капитан начал рассказывать истории из своей, ещё довоенной жизни. Аля чувствовала запах мужского тела, он перебивал запах хозяйственного мыла, которым мылись раненые. И этот запах волновал её, она уже отвыкла от него. Они станцевали несколько танцев, Аля почти всё время молчала, говорил капитан. Он оказался неплохим рассказчиком.

Потом вышли на веранду подышать свежим воздухом. Капитан достал мятую пачку папирос, но, видимо, раздумав курить, положил её обратно в карман. Они стояли близко, Аля чувствовала рядом тепло его тела. Капитан положил руку ей на плечо, развернул, прижал к себе, и впился губами в её губы. Аля попробовала вырваться, но капитан держал крепко, другая его рука уже шарилась по её телу, залезла под платье, скользнула по упругой попке, между ног. Аля напряглась всем телом, чуть отодвинулась, и со всей силы ударила его кулаком в лицо. От неожиданности и боли, капитан опустил руки, Аля отскочила к стене, обхватила руками

живот, тихо охнула и сползла на пол. Теперь он боялся к ней приблизиться. Она справилась с собой, с трудом, раскорячась, поднялась и, молча, смотрела на капитана. Тот, держась за разбитую скулу, выдавил из себя:

– Простите.

И тогда она выпалила:

– У меня муж на фронте, – и добавила, чуть погодя, – и я жду ребёнка.

От этой последней фразы капитан вздрогнул и сжался, как будто снова получил удар:

– Простите... я не знаю, что со мной, я два года не касался женщины... вы так красивы.

Он достал ту самую, мятую пачку «Беломора», щёлкнул зажигалкой и выпустил клуб дыма, – а мои дети погибли, во рве лежат...

Но Аля уже повернулась к нему спиной и пошла, а он всё бормотал ей вслед:

– Простите...

Подходил к концу сентябрь, приближалось время рожать. Аля много наслушалась рассказов об этом процессе, но всё равно боялась. В большой пятиэтажной больнице родильного отделения не было, она вся была отдана под госпиталь. Гражданские в эти годы болели редко, а если и заболели, лечились дома народными средствами. Но гинеколог был всегда загружен, от непосильной работы, простуд, плохого питания и переживаний, многие женщины болели.

Осень постепенно вступала в свои права, желтели и опадали листья, и шурились под ногами, когда Аля выбиралась в недалёкий лес. Стояла чудная погода – «бабье лето». Аля не работала уже, и это блаженное состояние, согретое природой и взволнованными письмами Бориса, очень помогало ей перед родами.

Вот-вот, должны были начаться схватки, и доктор предложил ей лечь в больницу, чтобы не нервничать, и не бегать по улице, когда роды уже подойдут. В больнице ей отвели маленькую комнатку рядом с туалетом, и она редко выходила оттуда, боясь встретиться с кем-нибудь из фронтовиков. Случай с капитаном-лётчиком не выходил из памяти. Девчонки передали ей, что он уже выписался и уехал на фронт.

Роды начались ночью, доктора вызвали из дома, и он прибежал весь заспанный и взлохмаченный, но в хорошем настроении, и сразу приступил к делу. Всё прошло легко, и Аля даже не поняла ничего, когда доктор поднёс к её лицу розоватого цвета младенца и весело закричал:

– Дочь у тебя, дочь!

Заботы о дочке полностью захватили Алю, она даже Борису стала реже писать. Самое главное, что у неё было молоко, и вначале этого было достаточно. Соседи и рабочие с завода старались проведать её, принести чего-нибудь съестного.

Долго тянуть с выбором имени она не могла, надо было зарегистрировать ребёнка, а обсудить это с Борисом никак не получалось. И тогда она выбрала имя сама. Имя, каких в этом городе отродясь не давали детям. Имя, напоминающее о далёкой, жаркой стране на берегу тёплого моря, о диковинных плодах, которые она никогда в своей жизни не пробовала.

Аля назвала свою дочь Оливией.

Она с тревогой ожидала, как воспримет Борис рождение дочери, ведь он так хотел сына. Но он даже обрадовался, дочь вносила какую-то нежность и таинственность в его представление о детях. Зима кончилась, и победная весна стучалась в заклеенные окна. Борис писал, что они уже идут по Германии. В один из таких тёплых солнечных дней, случилось то, что разделило её жизнь на две неравные части.

Пожилая почтальонша, которая всегда приносила ей письма от Бориса, в этот раз как-то неуклюже, зацепив стойку, протиснулась в ворота, и не глядя в лицо, вручила конверт. Потом согнувшись, поправив на плече тяжёлую сумку, быстро, быстро ушла. Аля поблагодарила, взяла письмо и даже не посмотрела на него, на руках крутилась и капризничала дочка. Нако-

нец, успокоив дочь, воткнула ей в рот соску-пустышку, посадила на скамейку, и только тогда взглянула на письмо. Сердце бешено заколотилось, вместо треугольника – конверт, незнакомый почерк. Она трясущимися руками разорвала непослушную бумагу. Строчки запрыгали перед глазами: – «Ваш муж Борис Шаталов... погиб».

Солнце померкло... небо расколосось... она закричала, потом завывала, упала на рыхлый, мокрый снег и царапала его одеревеневшими пальцами. Неизвестно сколько прошло времени, очнулась, громко плакала замёрзшая на скамейке Оливия. Аля схватила дочку, прижала к груди:

– Одни мы теперь остались, доченька, нет уже нашего папы.

И слёзы ринулись из глаз её, и запричитала, и забилась в истерике. Такой застала её вернувшаяся с работы мать. Она увидела конверт и сразу всё поняла. Обняла Алю с дочкой и повела в дом, посадила на диван. Оливию уложила в кроватку, а сама вскипятила чай, заварила покрепче, и поставила на стол перед дочерью, уже час смотревшей куда-то в пространство пустыми, безумными глазами.

Целую неделю Аля не могла прийти в себя: то плакала навзрыд, то сидела каменная, упёршись в стену невидящим взглядом. Потом вышла на работу, оставив Оливию на попечение матери. На заводе ей стало легче – знакомые участливые лица, люди, с которыми она проработала уже четыре года, и многие, из которых, так же, как и она, потеряли близких.

Теперь у неё осталась только дочка, как память о дорогом человеке, с которым и пожить-то как следует не успела.

Чтобы отметить Победу, начальство организовало банкет, наверное, впервые за всю войну. Аля сидела рядом со строгой табельщицей, которая проработала на этом заводе почти двадцать лет. Выпили водки уже по третьему разу, все захмелели. И тогда пожилая женщина, обняв Алю за плечи, сказала слова, которые сразу нашли отклик в душе её:

– А ты, девонька, не верь, что он умер, а жди его, и думай о нём. В жизни всё бывает, и мёртвые воскресают.

Лето подкралось незаметно. В том, победном году, лето на Урале стояло жаркое... Холодильников не было. Только крупы хранились, да овощи с огорода. Город за эти годы почернел, везде торчали груды необработанного мусора, старые гнилые доски, ржавые железные изделия.

По городу поползли заразные болезни. Сразу стали издаваться строгие приказы о прививках, поголовно и в обязательном порядке, в больнице организовали инфекционное отделение.

В выходной Аля с Оливией пошли на пруд купаться. Пруд был довольно большим, километров десять в длину, он расположился у подножья гор, после того, как лет двести назад заводчик Демидов построил плотину для нужд нового железодельного завода.

Маленькая чистая горная речка с коротким татарским названием образовала водохранилище, куда весной и в летние дожди, огромные, жёлто-мутные потоки несли всю городскую грязь. Пруд служил единственным источником водоснабжения и, несмотря на всевозможную очистку, воду нельзя было пить без кипячения.

Воскресный день выдался солнечным, и Аля с удовольствием окунала в воду Оливию. Ей исполнилось недавно 10 месяцев.

Оливия смеялась и брызгалась, чем приводила Алю в восторг. Потом они лежали на крупной гальке, подставив солнышку свои белые тела. Вокруг было много народу, продавалась газировка и пирожки с ливером, которые все любили. Аля тоже взяла себе и Оливии. Та уже всё жевала зубками.

К вечеру Алю начало тошнить, болела голова и живот. Она легла спать пораньше. Ночью проснулась от тяжёлых хрипов и стонов. Подошла к дочке, Оливия горела, была высокая тем-

пература. Аля дала ей жаропонижающее, напоила чаем с мёдом, который они доставали в деревне. Дочка уснула.

Утром Аля чувствовала себя плохо, и у Оливии не спадала температура. Аля побежала к соседке, которая работала в её цехе, попросила вызвать врача и предупредить, что на работу не выйдет. Врач пришла через два часа, и вызвала машину скорой помощи, Оливия была без сознания, металась в жару. Аля с ней не поехала, она просто не могла уже двигаться, ей становилось всё хуже. Врач поставил диагноз – дизентерия.

Аля почти не вставала, не могла есть, и только пила теплую, противную воду. Мысль о дочке не давала ей покоя. Наконец, через несколько дней смогла выйти на улицу и медленно, пошатываясь, побрела к видневшемуся издалека больничному корпусу. В приёмном покое её попросили подождать. Вскоре, к ожидающим вышла розовощёкая, улыбочивая медсестра. Она начала сортировать находившихся в приёмном покое людей. Дошла очередь и до Али.

– Как вы сказали, фамилия?

Аля назвала и встала. Сестра долго проверяла что-то по спискам:

– Да, правильно, эта девочка умерла три дня назад.

Сестра произнесла эти слова легко и просто, как будто они ничего не значили, и она произносила их каждый день по несколько раз.

– Этого не может быть, – Аля тяжело опустилась, просто рухнула на стул.

– Что вы мне говорите: – «Не может быть». Её и похоронили уже.

– Ну, пойдём, доченька, – мать гладила Алю по голове, – ну пойдём же.

Аля лежала на маленькой могилке и никуда не хотела идти. Она желала только одного – умереть. Шли вторые сутки, как она доковыляла сюда, упала лицом в свежую, влажную землю, обняла руками маленький холмик и решила, что никуда отсюда больше не уйдёт. Жизнь кончилась...

Мать еле держалась на ногах от усталости и переживаний, Аля не реагировала на её уговоры, а когда та попробовала её поднять, резко и грубо оттолкнула её.

Тогда мать сказала:

– Я скоро приду, – скорее для себя потому, что Аля её не слышала, – принесу покушать.

День разгорался, в лесу, где находилась кладбище, просыпались птицы, солнышко припекало, но всё это было не для Али. Ночь опустилась на разум, и глаза её были закрыты.

– Эй, женщина, – грубоватый мужской голос, словно вернул её с того света, – ты что, ночевала тут?

Она попробовала открыть глаза и сквозь смежившиеся ресницы, увидела половину человека, колеблющуюся в утреннем мареве. Наверное, почудилось...

– Женщина, очнись, ты заснула?

Аля посмотрела внимательно, перед ней стоял мужчина, вернее, пол мужчины сидело на какой-то доске с колёсиками.

– Что так смотришь, ноги мне оторвало, вот теперь катаю сам себя.

Он криво улыбнулся, но глаза оставались серьёзными. Такие глаза бывают у тех, у кого боль глубоко внутри запрятана. Теперь она рассмотрела его внимательнее: суровое, мужское лицо в шрамах, пилотка на голове, гимнастёрка без погон, многочисленные ордена и медали на широкой груди.

– Вот приехал навестить своих – жену и дочку, кивнул на могилу рядом, – странно получилось, я на фронте четыре года «отбухал» и жив остался, а они здесь, в тылу, померли. – Он говорил, и ему неважно было, слушают его или нет, нужно было кому-то высказаться, открыться, – а у тебя кто тут?

– Дочка, – еле слышно прошептала Аля.

– Ну, что ж, живым – жить, ты молодая, красивая, нарожаешь ещё.

Аля чувствовала, что попадает под обаяние этого сильного, грубоватого, но мужественного человека.

– Аленька, – из-за сосен показалась мать, – я поесть принесла.

– Во, как раз, кстати, – мужчина достал из рюкзака бутылку водки, – помянем наших.

Он привычно плеснул в жестяную помятую кружку, и протянул Але. Она взяла, чуть помедлила и, вдруг, неожиданно для себя, выпила залпом. Мать уже расстелила на траве платок, выложила нехитрую снедь. Аля хрустнула огурцом, силы возвращались к ней. От мужчины исходила уверенность:

– Теперь заживём, война кончилась, мы остались живы, должны жить и за тех, кого уже нет.

Эти, такие простые и такие важные слова, перевернули всё в Але. Она слегка захмелела, щёки порозовели, в глазах появился блеск. «Мне ведь только девятнадцать лет, только девятнадцать лет, – пронеслось в мозгу, – впереди вся жизнь».

Глава вторая. Одна

Тополиный пух летал в воздухе, опускался на землю и сгребался дворниками в кучи. Эти кучи они складывали в большие мешки и носилки с высокими бортами. Если успевали. Потому, что пацаны стремились их обязательно поджечь. Тополиный пух горел как порох, вспыхивая в момент, и упустить такую возможность – устроить костёр, ребята просто не могли.

Город постепенно очищался от следов войны, восстанавливались разрушенные дома, а кое-где строились новые. Открывались магазины, в ларьках торговали вином на разлив, как когда-то.

На углу дородная женщина продавала с передвижной тележки газировку, добавляя в пузырившуюся воду тёмно-вишнёвый сироп из высокой колбы.

Аля взяла стакан газировки и пила, не спеша, маленькими глотками. Людей, в этот ранний час было ещё мало, и никто не торопил её, не мешал размышлять.

Она думала о человеке, со странным именем Мозель, который уже две недели хочет с ней заговорить, но она равнодушно передёргивает плечиком и проходит мимо. Он, далеко не первый, кто пытался завязать с ней знакомство за эти пять лет, что прошли с того времени, как они с матерью вернулись из эвакуации. Но девушка решительно пресекала все эти попытки. Ей казалось кощунством, предательством перед Борисом, сходитья близко с кем-либо из мужчин, и даже просто знакомиться.

Аля была очень привлекательна. Красота её расцвела, в светло-зелёных глазах отражалась мудрость, бледная тонкость лица скрывала в себе таинственность. Фигура оставалась девичьи стройной, походка была, как прежде, лёгкой и изящной. В то же время в ней уже угадывалась зрелая женщина. И это необыкновенное сочетание притягивало взгляды встречных мужчин. Ей, с равным успехом можно было дать, как и её реальные двадцать пять, так и значительно больше.

Аля шла на работу. Трудилась она в строительной конторе инженером, хотя никакого специального образования у неё, конечно, не было. Научилась быстро, и сейчас мечтала поступать в строительный институт. Для этого надо было получить аттестат зрелости, и Аля решила окончить вечернюю школу. Учёба давалась легко, она везде успевала, только на развлечения и мужчин времени не хватало, но была даже рада этому.

День пролетел незаметно. Алю радовало, что рабочие дни не похожи друг на друга, каждый приносил с собой что-то новое. Строительство, вообще, процесс со многими непредвиденными обстоятельствами, требующими принимать решения на ходу, и Але доводилось, если и не принимать эти решения самой, то просчитывать их по просьбе тех, кто принимает. А это было ответственно, и очень увлекательно.

Уже подходила к дому, когда издалека увидела Мозеля. Подумала: «Ну, сейчас для полного удовольствия надо столкнуться с ним лицом к лицу». Но и уйти в сторону или выждать, казалось ей унижительным.

– Здравствуйте, – Мозель вежливо приподнял шляпу и наклонил голову, обнажив лысеющее темечко, окружённое венчиком седеющих волос.

– Здравствуйте, – она хотела, как обычно, пройти мимо, но он загородил ей дорогу.

– Алевтина Григорьевна, у меня имеются два билета в театр на субботний день. Театр недавно восстановили, и он начал давать пьесы. Не желаете ли посмотреть?

Голос был приятен, а его обладатель вежлив и обходителен. Аля теперь рассмотрела его внимательнее: коренастый, лет под сорок, карие, прищуренные глаза, в которых трудно было что-то прочесть, нос с горбинкой, ранние морщины на лбу. Тонкие губы, зажатые в углах, могли говорить о твёрдом и жёстком характере. Одет аккуратно, со вкусом, но без броскости. Чувствовалось, что этот мужчина много повидал, и знает себе цену.

– Я не могу сказать, – Аля замялась, – у меня в субботу бывают занятия.

– Ну, так в пятницу сообщите мне.

– Хорошо.

Мать была уже дома, она приходила раньше. Взглянула на озабоченное лицо дочери:

– Доча, что-то случилось?

– Нет, мама, всё в порядке, – и, чуть погодя: – Мозель в театр пригласил.

Мать живо повернулась к Але:

– Иди, он очень приличный человек, – и, увидев замешательство на лице Али, – или он тебе совсем не нравится?

Аля покопалась в себе, пытаясь разобраться в своём отношении к Мозелю, но, так и не определившись, махнула рукой:

– Сто лет не была в театре, схожу, пожалуй.

В театре было торжественно, люди нарядно одеты, приветливые служащие в фирменной одежде принимали плащи и шляпы. Сидя в мягком, обитом бархатом кресле, Аля смотрела на сцену, где актёры старательно играли незнакомую ей драму. В антракте они пошли в буфет, и Мозель угощал её соками и пирожными. Домой возвращались на извозчике.

Аля была настолько насыщена впечатлениями, что всё внутри пело, она чувствовала себя на седьмом небе. Давно не испытывала такого восторга. Наверное, с тех пор, как ушёл на войну Боря. Воспоминания о Борисе наплыли внезапно, словно укоряя в том, что вот, она радуется и восторгается, а он лежит в земле. И сразу ощутив себя, как в железной клетке обязанности помнить, и поэтому лишая себя удовольствий, разрыдалась.

В начале осени Мозель попросил её руки. Аля не отказала ему, но и не сказала ничего утвердительного. Вечером состоялся тяжёлый разговор с матерью. Мать была в курсе, видимо, Мозель уже побывал в их квартире.

– Аля, – мать никогда так с ней не говорила, – уже шесть лет прошло, как погиб Борис. Если бы был жив, давно бы объявился. Ты, что, будешь ждать его до конца жизни. Тебе надо определяться. Мужиков нынче мало осталось, побили всех. Мозель приличный человек, хорошо зарабатывает, и должность у него по нынешним временам хлебная. Заботливый, внимательный, всё для семьи будет делать, чего ещё тебе надо? Кого ещё ждать будешь, и сколько?

Аля всхлипывала, как маленькая девочка, вытирая платком слёзы. Умом понимала, что мать права, но сердце сопротивлялось, и от этого такая боль рождалась в голове, что, казалось, плавилась мозги.

Она не спала всю ночь. Рабочий день тянулся необычайно долго. После работы её встречал Мозель. Аля дала ему своё согласие.

Свадьба получилась пышной. Жених не пожалел денег, да и связи у него были немалые. Аля была печальна и, несмотря на громкий шёпот матери, никак не могла заставить себя улыбаться. Только после того, как выпила несчётное количество рюмок, отпустило. Жених не мешал ей, ни на чём не настаивал. Она представляла с неприязнью, что придётся ложиться с Мозелем в постель, и его руки будут ласкать её тело, которое предназначено для другого. Но этого, другого человека, уже не было на свете.

Первая брачная ночь ей совсем не запомнилась. Сквозь отуманенное алкоголем сознание, она расслабленно дала возможность Мозелю раздеть себя. Он жадными губами втягивал её тело, мял, кусал, щипал. В памяти осталось только его тяжёлое дыхание.

После свадьбы Мозель поселился в их квартире. Он строил дом, но дела продвигались медленно, и этому строительству не видно было конца. Молодожён, конечно, видел, что Аля холодна к нему и жаловался матери. Но та утешала:

– Перемелется, мука будет. Надо быстрее ребёночка родить, тогда она уже ни о ком другом думать не сможет.

Аля забеременела, но это состояние не доставляло ей радости, как тогда, на Урале. С досадой думала, что придётся пока расстаться с мечтой об институте.

Летом пятьдесят второго родила девочку. Её назвали Нелей. Говорят, что зачатие и роды предопределяют судьбу ребёнка. Но, вопреки всему, Неля найдёт своё счастье.

А пока она была симпатичной, смыслёной и самостоятельной девочкой, мама учила её ходить и разговаривать. Когда Неле исполнилось два года, Мозель заказал в какой-то мастерской большой манеж, чтобы она могла в нём двигаться и играть. Теперь не надо было следить за дочкой непрерывно. Но её «тихого» поведения хватило только на месяц. Она становилась на ножки, держась за сетку, и пыталась перевалиться через неё, чтобы выйти наружу. Когда ей это не удавалось, начинала кричать и реветь, и трясти сетку так, что та могла в любой момент рухнуть.

– Ну и характер у девки – свободолюбивый, привыкла всего добиваться, – с шуточной строгостью говаривала Алина мама.

А Мозель относился к дочке терпимо, но не более, она не вызывала в нём никаких нежных чувств.

Отношения у Али с мужем сложились ровные. Она ничего у него не просила. Сделает, и ладно, не сделает – тоже не страшно. Она и сама умеет всё. Да и Мозель, хотя и обеспечивал семью продуктами и деньгами, не требовал от Али того, что было против её воли. Спали они в одной кровати потому, что так было принято, да и места в квартире лишнего не нашлось бы, но близость уже ушла.

Несмотря на его уговоры, Аля никак не могла себя пересилить и называть Мозеля на «ты», в отличие от него самого, однако величал он её полным именем – Алевтина.

Такое положение могло бы, наверное, продолжаться долго. Они зависели друг от друга, и прожить поодиночке было затруднительно.

Но, однажды, произошло то, что перевернуло их жизнь.

Аля каждый день ходила к живущей на соседней улице женщине за молоком. Той привозили его из деревни, с расчётом и на Алю, так они договорились. Иногда, она брала сметану и вкусное деревенское масло. Вот и сегодня, зайдя к соседке, и наполнив бидончик молоком, заболталась с ней, хоть с кем-то поделиться наболевшим, и сейчас заторопилась, вспомнив о дочке. Неля, хотя и спит в это время, но может проснуться, а её присматривает древняя бабуля, что вечно сидит на скамейке у подъезда. Аля попросила её посмотреть за дочкой на всякий случай, вдруг та проснётся.

Быстрыми шагами, Аля приближалась к подъезду и, вот-вот, должна была войти в него, но какая-то неодолимая сила заставила её на секунду замешкаться и оглянуться. По улице шёл высокий мужчина в военной форме, он удалялся, и видна была только спина. Аля прислонилась к дверному косяку, руки её дрожали. Эту спину она узнала бы из тысяч, нет, из миллионов других спин.

Она рванулась и пошла за этим человеком, ноги сами понесли её, как когда-то давно, в сорок третьем. Она шла, а спина удалялась, тогда она пошла быстрее.

Сердце сжалось в маленький комочек и стучало, казалось, у самого горла.

Она уже бежала, загремел, откатившись, бидончик, и раскрылся бледным молочным пятном на сером булыжнике мостовой.

Она бежала, ноги стали ватными, глаза застилала пелена, она бежала.

Она бежала уже давно, дни сменялись днями, месяцы пролетали – она бежала...

Она бежала сквозь эти дымные годы, смерть и могилы...

Она бежала сквозь одинокие, проплаканные, бессонные ночи, искусанные губы, ногти, впившиеся в ладони.

Она бежала от постылого человека, ставшего её мужем...

Она бежала к тому, кто живой или мёртвый, но остался для неё навсегда единственным.

Вместо дыхания – свистящие хрипы, вот, он уже близко, ещё немного... больше нет сил, ещё шаг... всё, чёрная мгла опустилась...

Мужчина обернулся и едва успел подхватить потерявшую сознание Алю.

Часть третья. И продолжается жизнь

«Самая высокая жизнь всегда на волосок от смерти». (с)

Глава первая. Живой

Круглолицый лепной амур смешно надувал щёки, усердно натягивая тетиву лука. Стрела была направлена в сторону высокого венецианского окна, как будто там находился кто-то невидимый, кого амур должен был поразить в самое сердце.

Аля приподняла голову от подушки, оглядела небольшую светлую комнату, заставленную старинной мебелью. В окне виднелось белёсое небо с неподвижно висящими облаками.

«Интересно, куда я попала, в ад или в рай?»

Она попробовала встать, голова кружилась. Если это ад, то где же черти и топка. Может быть здесь – взгляд упёрся в старинный камин с резными решётками. Нет, наверное, это рай, там как раз место для амурчиков.

Аля уловила вдруг в застывшем воздухе какое-то движение, повернулась, и в проёме двери увидела улыбающегося Бориса.

«Ну, конечно, это рай, где же ещё она могла с ним встретиться».

Борис мягко вошёл в комнату, словно вплыл по воздуху, неся впереди себя резной поднос, заставленный чашками и чем-то ещё, от чего шёл божественный аромат.

Аля ущипнула себя за руку, неужели это не сон и не загробный мир, и она видит того, кого не могла забыть все эти тяжкие годы, несмотря на похоронку. Борис поставил поднос на маленький столик на колёсиках, стоящий возле кровати, опустился перед ней на колени, положил свои широкие ладони на одеяло, которым Аля была укрыта, и сказал просто, как будто они расстались только вчера:

– Здравствуй, моя любимая.

У Али вдруг забилося сердце так, что, казалось, одеяло поднимается на груди в такт его ударам. От его голоса, слегка хриповатого, и такого родного, перехватило дыхание:

– Я...я... – Она пыталась что-то сказать, но в пересохшем горле рождались только невнятные звуки, – я... ждала... тебя.

Борис приподнял лежащую поверх одеяла тонкую руку, и прижался к ней губами.

Слёзы подступили к глазам, она хотела сдержать их, но не смогла. Тогда Борис наклонился к её лицу и начал целовать, ловя губами слезинки.

Она обхватила руками его голову, с такую же, как раньше, густую копной волос, но уже изрядно тронутых сединой, и судорожные рыдания сотрясли её тело.

Борис, молча, гладил вздрагивающие плечи, и от его сильных рук вливалось в Алю такое успокоение, что она постепенно затихла.

Вглядывалась в его до боли знакомое, но в чём-то изменившееся лицо, и отмечала про себя жесткие складки у рта, морщины на лбу и косою шрам, уходящий куда-то за ухо. Лишь глаза оставались такими же озорными и весёлыми.

Сколько же лет, Боже, сколько лет они не виделись, десять, всего десять, а, кажется, целую вечность. За эти десять лет они прожили целую жизнь. Они изменились, они стали другими, но то, что их соединило когда-то, не изменилось ничуть. Наоборот, это чувство перебродило за годы, и из молодого, ординарного вина, настоялось крепкое, густое и хмельное. И они пили его сейчас, и каждая клеточка их тел внимала и впитывала этот необыкновенный, божественный напиток.

Борис целовал губы, шею, грудь, и от этих поцелуев Аля напряглась, и её забывшее мужскую ласку тело рвалось навстречу этим жадным губам, этим быстрым горячим рукам, этой мужской тяжести, которую она хотела ощущать бесконечно.

Борис сбросил с себя одежду и осторожно снял с неё платье, в котором выбежала из дому за молоком. Она не почувствовала никакого смущения от того, что её рассматривает ставший за десять долгих лет чужим, но навсегда оставшийся родным человек. И когда он прижался к ней вздрагивающим от волнения и желания телом, затрепетала, ощутив знакомый запах своего единственного мужчины.

И потянулась к нему, и хотела в этот миг только одного: отдать ему всю себя без остатка, исчезнуть, слиться, став с ним единым целым. Распахнула ноги навстречу стремящемуся к ней естеству, обвила его кольцом своих рук и ног, боясь выпустить хоть на секунду, страшась, что он снова исчезнет навсегда.

И этот клубок слившихся тел, уже жил своей отдельной жизнью, двигался, как единое целое, и замирал. Души их слились, как и тела, и сердца их стали одним огромным сердцем и бились в унисон, и уже невозможно было отличить одно от другого, и мир перестал существовать.

Но вот яркая вспышка, как взрыв Вселенной, как первый миг творения пронзила их тела, и они забились в сладостных конвульсиях, предшествующих рождению новой звезды, рождению новой жизни.

Спустилась с небес душа их дочери, и обрела плоть, которую они вновь зачали в этот миг.

– Мне надо идти, любимый, ты знаешь, у меня дочка, ей два года. Я оставила её почти без присмотра.

– Я всё знаю. Нет не всё, – Борис запнулся, и Але послышались осуждающие нотки в его словах.

Она и так чувствовала себя виноватой, как будто совершила преступление, за которое нужно будет отвечать. Показалось, что он сейчас может повернуться и уйти так же неожиданно, как появился. Она и не знала толком, как он оказался в городе, и что это за чудесная сила заставила её обернуться. Борис успел сказать только, что снимает эту комнату в старинном доме уже третий день. И каждый день дежурит возле её дома, чтобы хоть одним глазком взглянуть на неё. Он и принёс её сюда, когда она потеряла сознание, благо дом этот находится совсем рядом.

Аля прижалась к Борису, он гладил её по волосам по спине, они стояли у двери и готовы были вот-вот расстаться, но не могли оторваться друг от друга.

– Боря, я знаю, что виновата перед тобой, – Аля почувствовала вдруг себя маленькой девочкой, школьницей, которую должны наказать за провинность, и думала лишь о том, чтобы это не было слишком больно.

– Да что ты, выбрось из головы даже саму эту мысль о какой-то вине, – Борис отодвинулся и голос его стал твёрже и жёстче, – ни ты, ни я, никто не виноват в том, что случилось, это война, проклятая...

Он снова прижал к себе Алю и целовал её сразу осунувшееся лицо.

– Когда мы увидимся? – спросил тихо в самое ухо.

– Вечером.

– Вечером, – повторил как эхо, и прижался губами к её губам.

Тихий, тёплый вечер опускался на город. Здесь, в южных краях, такие вечера с мягкой, подкрадывающейся прохладой, вытесняют постепенно с городских улиц дневной раскалённый жар. Качающееся воздушное марево поднимало вверх тепло остывающего камня домов, быстро наступающая темнота сумерек скрадывала неприглядность и неубранность развалин, печальных следов прошедшей войны.

Аля и Борис сидели на открытой веранде кафе, которое в этот день не могло похвастать обилием посетителей. Да им и не нужно было никого. Маленький столик на двоих стоял у самой ограды летней деревянной площадки, за которой уходила вдаль узкая, зелёная улочка. Ветки деревьев любопытно простёрли над ними свои кроны, и далёкая Вега уже вышла на тёмный небосвод полюбоваться на одинокую парочку. Женская рука покоилась в широкой мужской ладони, и было ей там тепло и уютно.

Впервые за последние годы Аля почувствовала спокойствие, когда не надо было никуда спешить, ничего решать, рядом сидел человек – кусочек её существа, который разделит все её беды и горести, и примет на себя её проблемы.

Бутылка кисловатого молдавского вина была уже наполовину опорожнена, и ровный негромкий голос Бориса только слегка рассеивал сгустившуюся тьму.

Глава вторая. На войне, как на войне

За окном вагона проплывали печальные пейзажи. Едва припорошенные снегом почерневшие развалины домов, обезлюдевшие городки и деревни, чёрные остовы сгоревшей техники, повсюду следы пожарищ и недавних боёв.

Борис задумчиво глядел в окно. Уже третьи сутки двигался эшелон к фронту. Вернее, шло с десятков эшелонов, растянувшихся на много километров. Столько понадобилось для транспортировки дивизии. Борис всё ещё переживал разлуку с Алей, в ушах звучал её мелодичный голос, руки ощущали атласную гладкость кожи.

Волновала неизвестность впереди – фронт, о котором он был уже столько наслышан. Фронт представлялся ему чем-то изначально героическим, где каждый может совершить подвиг. Так рассказывали ветераны, которых много было в дивизии, после ранения люди снова возвращались в строй. Но и то, что на фронте тесно переплетаются между собой смерть и грязь, высокое и низкое, героическое и подлое, тоже рассказывали...

Под монотонный стук колёс Борис задремал, потом улёгся на полку и проспал до утра, до той поры, пока не прозвучала команда «Подъём».

Поезд стоял на каком-то полустанке. Около разбитого здания вокзала собрались офицеры, ощущалась та тревожная суэта, которая предшествует большому движению.

«Похоже, приехали», – подумал Борис.

Через час колонна бойцов уже шагала по схваченной утренним морозцем полевой дороге.

К вечеру достигли переднего края. Дивизия сменила какую-то часть, сильно потрепанную в последних боях. Ребята из пополнения успели переброситься несколькими словами с уставшими почерневшими от непрерывных боёв бойцами, и часть отвели во второй эшелон дивизии.

Каждый взвод разведроты придали трём батальонам полка для усиления, предстояло наступление. Разведчики заняли просторные, хорошо оборудованные землянки около командного пункта полка.

На следующий день Бориса и ещё несколько разведчиков вызвали в землянку командира взвода. Лейтенант Никифоров в телогрейке и кубанке, сдвинутой на затылок, сидел над картой, что-то отмечая на ней карандашом. Наконец, когда все собрались, он оторвался от карты и как-то буднично произнёс:

– Нам поручено взять «языка».

Для разведчиков это была опасная, но привычная работа. Лейтенант рассказал, как будет проводиться операция. Расчёт строился на внезапности: снять часовых, проникнуть в блиндаж и захватить немца, желательно офицера. Потом немедленно отойти к своим. Вести «языка» будут двое, остальные две пары разведчиков по очереди обеспечивают прикрытие. Всего в операции участвует шесть человек. Возглавлять группу поручили старшему сержанту Горбанько, опытному, закалённому в боях разведчику.

Спустя три часа группа собралась в траншее и по команде бесшумно растворилась в темноте. Стояла безлунная безветренная ночь. Слегка подмораживало, изредка взлетали ракеты, разрывали темноту пулемётные и автоматные очереди.

К первой траншее группа подобралась незамеченной. Некоторое время выжидали, но в траншее так никто и не появился. Горбанько шепотом сказал:

– Фрицевское начальство по блиндажам греется, а здесь только часовых можно встретить, много ли от них толку, как от «языков». Продвинемся глубже в оборону немца.

Разведчики осторожно поползли вперёд, пока не наткнулись на землянку. Около неё ходил часовой. Один из разведчиков обнаружил провода, и Горбанько подумал: – «Значит, штабная». Жестами показал, что именно здесь будет брать «языка».

По сигналу двое солдат сняли часового, а Борис и ещё один разведчик, включив фонарики, ворвались в землянку. Короткая схватка, четверо фашистов упали под пулями. Борис навалился на офицера, но тот изворачивался и не давался. Вбежавший в землянку Горбанько ребром ладони ударил немца по шее, тот сразу сник. Старший сержант засунул ему в рот кляп, а Борис с появившимся в землянке бойцом дали несколько очередей по оставшимся в живых фашистам, которые не могли прийти в себя от ужаса. Всё произошло в считанные секунды.

Спихнулись фашисты быстро и открыли беспорядочную стрельбу вслед разведчикам, но группы прикрытия, удачно сменяя друг друга, ударили по немецким траншеям из автоматов и, пользуясь замешательством, догнали товарищей. Один из разведчиков был ранен, и его пришлось нести. Борису, как физически более сильному, поручили тащить «языка».

Пленный немецкий офицер дал важные сведения, так необходимые командованию перед наступлением. Разведчиков представили к наградам, Борис получил свою первую награду – орден Красной Звезды.

В середине февраля внезапно началась оттепель с обильными снегопадами и ветрами. Не успевшие промёрзнуть болота наполнились водой, образовав целые озёра, которые с трудом можно было преодолеть. Скрывшиеся под талым снегом и водой тропинки и дороги задерживали продвижение вперёд. Бойцы не имели возможности просушить обмундирование и обогреться. Кухни опаздывали, и вместо горячей пищи частенько приходилось довольствоваться сухим пайком.

Дивизия, преодолевая яростное сопротивление немцев, медленно продвигалась вперёд, переходя к обороне в тех местах, где противник был особенно упорен.

Весной наступило затишье. У Бориса появилось время для того, чтобы писать Але подробные письма. Он переживал вместе с женой беременность, вчитывался в её рассказы о шевелении ребёночка, и они вызывали у него какое-то удивление и такую сладость, и нежность в груди, словно уже держал на руках свою кровиночку.

В преддверии лета начали готовиться к широкому наступлению. Нашим войскам предстояло сокрушить мощный оборонительный рубеж на пути в Прибалтику под названием «Пантера». Немцы готовились стоять насмерть, ведь с потерей Прибалтики они теряли и источники сырья и продовольствия, а для Красной армии открывался прямой путь в Восточную Пруссию и выход к Балтийскому морю.

Наступление намечалось на двенадцатое июля, но уже десятого войска заняли исходное положение. Утром взвод разведчиков, где Борис командовал отделением, придали штурмовой роте для проведения разведки боем. Рота выбила противника из траншей и захватила пленных, которые показали, что получен приказ отойти на запасной тыловой рубеж. Этим решило воспользоваться командование и ввело в прорыв штурмовые батальоны. В течение суток оборонительный рубеж противника был прорван, и подразделения вклинились в оборону врага на сорок километров, очистив от фашистов триста населённых пунктов.

Части дивизии безостановочно двигались вперёд, преследуя отступающего противника. Проселочные дороги, по которым двигались войска, тянулись через лес, идти было тяжело, все медленнее шагали бойцы, тёмные пятна пота проступали на давно не стиранных гимнастёрках. Необходим был отдых, но командование требовало быстрее выйти к реке Великая и захватить мост. Пока основные части дивизии двигались к мосту, решено было перебросить к нему взвод разведки для захвата и предотвращения взрыва.

Разведчиков посадили на танки, и те рванули вперёд. Охрана моста не успела опомниться, когда из леса стремительно вырвались «тридцатьчетвёрки» с десантом разведчиков на броне. Танки прорвались к мосту, и бойцы, спрыгнув с них, пошли врукопашную. Высокая

и сильная фигура Бориса, который, где автоматными очередями, а где и мощными кулаками прокладывал путь отделению, служила ориентиром для бойцов.

Через несколько минут всё было кончено, на мосту и вокруг него в беспорядке валялись трупы фашистов. Вскоре по мосту устремились на ту сторону реки подошедшие штурмовые батальоны.

За этот бой Борис был награждён орденом Красного Знамени.

Дивизия с боями прорывала вторую линию немецкой обороны, здесь было построено множество ДОТов и ДЗОТов, минных полей. На подходе к этой линии надо было под огнём гитлеровцев преодолевать болота и озёра. Враг непрерывно вёл артиллерийский огонь и атаковал. Развернулись затяжные кровопролитные бои, наши подразделения несли большие потери. В батальоне, которому был придан взвод разведки, убило командира, из офицеров почти никого не осталось. Командование прислало из штаба нового комбата. Им оказался бывший командир роты Бориса во время комплектации дивизии на Урале.

Два дня назад Борис вынес из-под огня раненого взводного – лейтенанта Никифорова, а когда вернулся, ротой командовать было уже некому. Тогда-то и принял Борис на себя командование ротой. Командир батальона собрал двух оставшихся в живых разведчиков, которых хорошо знал: старшего сержанта Горбанько и ефрейтора Бориса Шаталова. Командиром одной роты он назначил Горбанько, а второй – оставил Бориса.

– Слушай боевую задачу: нужно оседлать перекрёсток дорог и удержать его до подхода основных сил. – Голос командира был сиплым и прерывался кашлем, накануне он простыл, лёжа под огнём немецких гаубиц в болоте. – Оседлать и удержать – это очень важно для дивизии. Начало общего наступления дивизии в шесть ноль-ноль. К этому времени развилка должна быть в наших руках. Ясна задача?

Задача-то ясна, но как её выполнить. В роте Бориса оставалось два десятка бойцов, в роте Горбанько – немногим больше. Сложность заключалась ещё и в том, что на пути к развилке противник хорошо укрепился, и пройти напрямую было сложно. Решили одной ротой обойти укрепленный район и ударить по врагу с фланга.

А Борис повёл бойцов прямо. Идти среди огромного массива сплошных болот было трудно, тропинка то появлялась, то исчезала. Приходилось передвигаться, рискуя в любой момент провалиться в трясину. Кроме этого, необходимо было соблюдать скрытность, чтобы незаметно выйти в заданную точку. Рота блестяще совершила марш, не встретив сопротивления, она добралась до развилки дорог и заняла на ней круговую оборону.

Ровно в шесть, как и намечалось, началось наступление дивизии. Фашисты не выдержали и побежали, и тут на их пути оказался заслон на развилке. Немцы обрушили на бойцов всю свою огневую мощь, понимая, что если они не пробьются через заслон, то будут уничтожены наступающими войсками. И тут в самый критический момент, когда уже половина личного состава роты Бориса была выведена из строя, к ним пробилась рота старшего сержанта Горбанько, проделав узкий проход во вражеской обороне. Немцам так и не удалось сбросить бойцов с развилки дорог. А вскоре подоспели наступающие части дивизии.

Командир дивизии кричал в трубку комбату:

– Молодцы, передайте мою благодарность всему личному составу, а командирам рот, в особенности. – И зачем-то переспросил: – Значит, роту к развилке вывел и командовал ею в бою ефрейтор? Ну и ну, такое мне ещё встречать не приходилось. Но молодчина какой! Честное слово, молодчина!

Через пару дней в дивизию прибыл командующий армией. Командир дивизии доложил ему о Борисе, и генерал захотел с ним встретиться. Бориса вызвали в штаб дивизии. Гене-

ралу представили вконец смущённого девятнадцатилетнего парня. Он расспрашивал Бориса о службе, о семье, уточнял детали минувшего боя. Потом подозвал к себе одного из офицеров штаба и отдал какое-то распоряжение. Затем объявил, что за успешное выполнение боевой задачи, проявленный при этом героизм и воинское мастерство, ефрейтор Борис Шаталов награждается Орденом Славы второй степени и ему присваивается воинское звание – лейтенант. Генерал тут же прикрепил на грудь Бориса орден и вручил офицерские погоны.

Потом, провожая взглядом удаляющегося парня, с восхищением произнёс:

– Замечательный человек, хороший командир из него выйдет.

Известие о рождении дочери Борис встретил в госпитале.

Наши войска, прорвав оборону на узком, пятикилометровом участке, уже двигались вглубь территории противника, имея цель ликвидировать курляндскую группировку.

А через два дня гитлеровцы ввели в бой на этом участке танковую дивизию. Трое суток не прекращался тяжёлый бой. Горела земля, немцы пытались смять и уничтожить наши части. В роте, которой уже командовал Борис, осталось меньше трети личного состава. Вот перед позициями показались вражеские танки, за ними двигалась пехота. Наша артиллерия открыла огонь, но танки продолжали двигаться вперёд. Борис понял, что позицию удержать не удастся, даже если погибнут все. В это время поступил приказ отойти за реку.

Борис отдал приказ бойцам отходить. А сам остался прикрывать отход. Он лёг за пулемёт и его точные очереди косили наступающих солдат противника. Но вот танки приблизились, и Борис побежал по траншее, которая упиралась одним своим краем в лесную опушку. Он выскочил из траншеи и уже вбежал в лес, когда шальной осколок ударил его в шею. Борис упал и потерял сознание. Очнулся он, когда уже была ночь – гимнастёрка залита кровью, шею невозможно повернуть. Борис достал из сумки перевязочный пакет и попробовал им заткнуть рану, но от сильной боли вновь потерял сознание. Только через сутки бойцы его роты проникли на нейтральную территорию, где оказался Борис, и вынесли командира. Он потерял много крови и получил заражение.

Началась гангрена. Его спасло чудо: молоденькая врачиха, недавно пришедшая после мединститута, сделала блокаду появившимся уже в войсках пенициллином, и этим спасла Борису жизнь.

Два месяца провёл Борис в госпитале. Девушка – врач бывала у него каждую свободную минуту, и все к этому привыкли, даже начальство не реагировало. Лена, так звали девушку, знала, что у Бориса жена на Урале, и что дочка родилась. Но это её несколько не смущало. На войне жизнь младших командиров недолгая, и надо жить, и любить сегодня, завтра может и вовсе не наступить.

До выписки оставалось недели две, и Борис перешёл уже в разряд ходячих больных. Почти каждый вечер после ужина он прогуливался с Леной по аллее парка, примыкавшего к больничному корпусу. Вот и сегодня они пошли прогуляться по первой пороше.

Чистый воздух вливался в пропитанные лекарствами лёгкие и вместе с ним вливались бодрость и энергия в молодое, сильное тело, которому нипочём ранения.

– Не спеши, – Лена взяла Бориса под руку, погладив, зачем-то рукав его шинели, брошенной поверх больничного халата. – Расскажи лучше, как тебе видится жизнь после войны.

– Жизнь будет совсем другая, – проговорил Борис и замолчал. Он и не представлял, какую должна стать жизнь после войны, из его девятнадцати лет – три с половиной пришлось на войну.

Лена хотя и была старше его на пять лет, но и она не могла себе представить ту, новую, неизвестную жизнь.

– Я думаю, что люди будут любить и беречь друг друга, – произнесла она выстраданную, видимо, в мыслях фразу.

– Да, наверное.

Они уже дошли до скамейки в конце аллеи туда, где ветви деревьев сплетали свои густые лапы, создавая таинственный шатёр.

– Посидим? – Лена потянула Бориса на покрытую мелкой снежной крупой скамейку.

Борис смахнул снег поллой шинели, они уселись, тесно прижавшись друг к другу.

Сколько времени прошло неизвестно, Лена зябко поёжилась и положила голову Борису на плечо. Потом спросила:

– Руки замёрзли, можно я у тебя погрею? – И, не дожидаясь ответа, сунула свою руку в распахнутый ворот его шинели.

Борис чувствовал, что Лена тянется к нему, это его приятно тревожило и волновало. Он обнял девушку за плечи. Она подняла голову от его плеча, прижалась щекой к его щеке, и он ощутил на своих губах её тёплые губы.

К ночи похолодало, и Борис с Леной заторопились к больничному корпусу. Они вошли в здание с чёрного хода, от двери которого у Лены оказался ключ. Она жила в маленькой комнатке, в блоке для служащих госпиталя. На развилке у длинного коридора постояли, целуя друг друга и всё более разгораясь. Лена расстегнула шинель Бориса, распахнула больничный халат, и обхватила руками его такое манящее, сильное тело. А Борис под тёплой курткой Лены нащупал её грудь и уже не захотел выпускать её из своей ладони. Вместо того чтобы разойтись, они направились в комнату Лены, стараясь осторожно ступать по дощатому полу. Сердце Бориса взволнованно билось, уже почти год он не встречался с женщиной. Его молодое тело, отдохнувшее за время нахождения в госпитале от тягот и тревог войны (в окопах-то было не до женщин) требовало ласки, и томление, охватившее его, затмило все доводы разума. Тихонько войдя в комнату, они бросились в объятия друг друга, словно это был последний миг, дарованный им судьбой перед тем, как навсегда расстаться. Губы их слились, руки порхали, глядя и лаская тела и стаскивая мешающую одежду. Они почти не разговаривали, да и зачем нужны были слова, каждый знал мысли и желания другого, и рвался, и трепетал от прикосновений, и хотел быть ближе, ближе...

Они рухнули на железную односпальную больничную кровать, и она отчаянно заскрипела, не выдержав урагана страстей...

Холодный зимний рассвет нехотя вполз в окно, осветив разбросанную по полу одежду и обнажённые тела мужчины и женщины, забывшихся в коротком сне.

На попутной полуторке Борис возвращался в свою дивизию. Последние две недели промелькнули с быстротой молнии. С Леной они вели себя на людях подчёркнуто официально, но встречаясь вечером, не могли оторваться и насытиться друг другом, как изголодавшиеся хищники. Из госпиталя Борис отправил Але всего два письма: он не хотел беспокоить её тем, что тяжело ранен, да и первые недели был лежачим и не мог писать. Однако и потом, когда он уже вставал, тоже не писал, но уже по другой причине. Аля – родная и любимая, была далеко, а Лена – такая желанная и манящая рядом, только протяни руку. И он протянул её. И что же теперь?

Борис копался в себе, пытался что-то анализировать, чем-то оправдать такую бешеную, неуправляемую страсть. Но находил только какие-то жалкие причины, которые вызывали лишь досаду на себя.

Утром Борис попрощался с Леной. Он успокоился, страсть улеглась, они насладились друг другом за эти две недели. Но почему она так тревожно – вопросительно заглядывала в глаза его, почему тормозила и спрашивала через каждые пять минут:

– Ты меня, правда, любишь?

Борис кивал головой, он и сам не мог ещё разобраться в своих чувствах, но любви, такой любви, как с Алей, тут, конечно, и в помине не было. А что же тогда было?

От этих вопросов, на которые не мог найти ответа, ужасно болела голова, до тошноты стыдно было перед самим собой, словно он совершил преступление, совершил предательство. Вот если он погибнет, если его убьют в бою, тогда это будет, хоть как-то объяснимо, он смоеет кровью свою вину так, обычно, говорили в войсках штрафникам. Потом Борис отгонял эти детские, но от этого не менее муторные мысли и торопил водителя, стремясь поскорее добраться в свою часть и забыть всё:

– Ну, что мы словно на старой измученной кляче едем. Нельзя ли побыстрее?

– Быстрее нельзя, товарищ старший лейтенант, видите какая дорога, одни ямы да ухабы, – оправдывался шофёр.

За время отсутствия Бориса наши войска уже прошли Польшу, Померанию и повернули на Берлинское направление. Борису присвоили очередное воинское звание – капитан, и он принял батальон. Быстро вошёл в курс дел в подразделении, познакомился с людьми. Использовал короткое затишье для обучения людей ближнему бою в крупном населённом пункте. Впереди Берлин. В один из дней Борис узнал о гибели командира полка, бывшего своего ротного ещё с Урала. Тот погиб на командном пункте после прямого попадания снаряда. Сейчас, уже сам став командиром, Борис понял, какому риску подвергал ротный его и себя, когда отпускал на ночь к Але. Опоздай он тогда к посадке в эшелон, его бы сочли дезертиром, а непосредственного командира – пособником. Законы военного времени предусматривали за это самое суровое наказание.

Главные силы 1-го Белорусского фронта сосредоточились для общего наступления. Застыли на огромном фронте десятки стрелковых дивизий, состоящих из опытных, закалённых бойцов. Армады танков, с полностью заправленными баками и боекомплект, изготовились для броска вперёд. Густо сосредоточенные артиллерийские подразделения и гвардейские миномёты готовились огненным валом поддержать наступающую пехоту.

Сжатые, как пружины, десятки тысяч людей каждую минуту ожидали сигнала к атаке.

Незадолго до рассвета, в пять часов, мощный небывалый гул разорвал тишину, раскололись земля и небо. Тысячи сверкающих трасс прорезали темноту, сотни бомбардировщиков с зажженными огнями закрыли небо и звёзды. Дрожала земля, сплошная лавина огня накрыла траншеи гитлеровцев. Через полчаса полторы сотни прожекторов упёрлись лучами в передний край немцев, и роты пошли в атаку. Они быстро ворвались в первую траншею противника, потом, не останавливаясь, во вторую и третью...

Когда рассвело и бойцы закрепились в немецких траншеях, Бориса вызвали на командный пункт полка. Он шёл через недавнее поле боя: дымилась земля, искореженная воронками, перемешанные с ней обломки искалеченной техники и танковых гусениц являли собой какой-то неземной ландшафт. Санитары уносили раненых, похоронные команды собирали убитых.

– Смотри сюда, – командир полка тыкал пальцем в точку на карте, – это – автострада, ведущая к Берлину. Твой батальон должен её перерезать и не допустить подхода подкреплений к осаждённому гарнизону Берлина.

Борис, молча, выслушал командира. Задача предстояла трудная: пройти насквозь сильно укреплённый лесной район, не ввязываясь в затяжные бои, выйти к автостраде, оставляя позади раздробленные, но вполне боеспособные группы фашистов.

– Товарищ командир, к вам медики, – доложил часовой. Плащ-палатка, закрывавшая вход, отодвинулась и в проёме показались две девушки.

– Товарищ капитан, начальник медпункта вашего батальона, лейтенант медицинской службы Короткова прибыла для прохождения службы. Со мной санинструктор Татьяна.

Борис во все глаза смотрел на Лену.

– Кто это тебя сюда направил? – спросил он строго, не обращая внимания на санинструктора. – Батальон завтра рано утром выступает на ответственное задание.

– Вот потому и направили, – ничуть не смутившись от строгих слов Бориса, ответила Лена.

– Я сейчас свяжусь с комполка, попрошу, чтобы вас забрали в полк. У меня в батальоне есть санинструктор.

– Вы это не сделаете, товарищ капитан, мы пришли сюда выполнять свой долг, а не отсиживаться в тылу.

Голос Лены был настолько решителен и твёрд, что Борис махнул рукой:

– А, бес с вами, оставайтесь, – и добавил, – только потом, чтобы ко мне претензий не было.

– Не будет, товарищ капитан, – уже весело заключила Лена.

Чтобы иметь более ясную картину о характере укреплений врага, Борис выслал разведчиков с заданием взять «языка». Разведчики задание выполнили, «язык» оказался ценным.

Выступать решили ранним утром, ещё затемно.

Ночью, когда все улеглись, стараясь отдохнуть перед предстоящим маршем и боем, Лена пришла в землянку к Борису.

– Я люблю тебя, люблю тебя, я не могу без тебя жить, – жарко шептала она, прижимаясь к нему горячим от возбуждения и желания телом.

– Ты специально ко мне попросилась? – Спросил Борис, лаская Лену, глядя её груди и бёдра...

– Да, специально, – ответила она, ничуть не смутившись, – чай не к тёще на блины иду, на передовую. Я хочу быть рядом с тобой, только рядом с тобой.

Этой ночью они не сомкнули глаз, забылись только под утро.

– Товарищ командир, светает, пора уже, – разбудил Бориса часовой, деликатно постучав по бревну, служившему стойкой.

Лена наскоро одевшись, выскочила из землянки.

Следуя рассказу языка, батальон почти без потерь вышел в заданный район.

Борис понимал, что передышка продлится не более двух-трех часов, за это время надо укрепиться.

Через два с половиной часа первая группа фашистов, состоящая из нескольких десятков человек, вышла к автостраде и дружным огнём бойцов была уничтожена. Но это оказалось только началом. Из леса появлялись всё новые, хорошо вооружённые группы гитлеровцев, а по автостраде уже двигалась к Берлину танковая бригада из дивизии СС. Силы были неравные, над батальоном нависла угроза окружения. Связи уж не было, и Борис послал в штаб полка троих разведчиков с донесением.

Батальон истекал кровью, всё меньше оставалось людей, способных держать в руках оружие. Борис находился всё время в боевых порядках, переходя от одной траншеи к другой. В какой-то миг немцы оказались уже перед расположением третьей роты, в которую только что

пришёл Борис. Он понял, что промедление смерти подобно, ещё минута и батальон сомнут. Тогда он привычно прижал к себе автомат и закричал:

– Рота за мной, вперёд, за Родину!

И выскочил из траншеи.

Оставшиеся бойцы поднялись вслед за командиром.

Лена бежала рядом с Борисом.

– Куда? Назад, – закричал он, – товарищ военврач, приказываю назад!

– Я выполняю свои обязанности, товарищ капитан, – ответила на ходу Лена.

Препираться с Леной в атаке не имело смысла, и Борис забыл о ней. Бойцы сошлись с противником врукопашную, гитлеровцы её никогда не выдерживали. Вот здоровенный рыжий немец направил на него автомат. Борис присел, и очередь прошла мимо, пуля лишь слегка зацепила голову. В следующее мгновение Борис насадил немца на штык, краем глаза заметив, как сбоку целится в него из пистолета немецкий офицер. Он рванулся туда, мгновенно поняв, что не успевает. И тут вдруг перед немцем выросла Лена, приняв на себя смертоносный заряд, приготовленный для Бориса. А он стрелял, стрелял из автомата в этого офицера, пока не кончились патроны. Потом поднял с земли девушку и пошёл в тыл к своим позициям, не пригибаясь и ничего не замечая вокруг.

В ожесточённой штыковой атаке немцы были отброшены. Борис сидел около Лены, смотрел в открытые неподвижные глаза, и молча, гладил её по волосам.

– Товарищ капитан, – Борис поднял голову, перед ним стояла Таня. – Надо перевязать, а то у вас вся голова залита кровью.

Пока шла перевязка, Борис, не отрываясь, смотрел на лежащую девушку. «Как же это, я – жив, а её уже нет. Такой тёплой, ласковой, нежной... уже нет». Руки его до сих пор чувствовали гладкость её кожи, мягкость груди.

– Она вас очень любила, товарищ капитан, – не прекращая перевязки, сказала Таня и всхлипнула. – Говорила, что не хочет жить без вас, если погибнем, то вместе. Потому и в атаку рядом пошла.

Борис сглотнул комок в горле, сжал зубы так, что затрещали желваки под кожей, наклонился и коснулся губами холодных губ Лены. Потом встал, натянул поглубже пилотку, чтобы не заметна была марлевая повязка, и направился в свой окоп.

Наступило недолгое затишье.

«Не продержимся», – думал Борис, – «пока подойдёт подкрепление, от батальона ничего не останется. Надо идти на прорыв».

Он собрал оставшихся в живых офицеров и обговорил план прорыва: передовая группа углубится в лес, завяжет бой с немцами, а основные силы обойдут их по флангу. Потом передовая группа нагонит остальных. Расчёт строился на том, что немецкие танки не смогут действовать в лесу.

– Начинаем по сигналу во время немецкой атаки, группа прикрытия обеспечивает отход. Командование батальоном поручаю лейтенанту Морозову, сам остаюсь с прикрытием.

Борис решил остаться с людьми, которые наверняка были обречены на смерть. Эти люди уйти уже не успеют, но от них зависит успех прорыва. Лейтенант Морозов был на целый год моложе Бориса, но показал себя отважным и исполнительным офицером, недаром его назначили заместителем командира батальона. Борис вверял ему батальон со спокойной душой, был уверен, что тот сделает всё, как надо.

– Коля, – задержал Морозова Борис, – проследи, чтобы санинструктор Таня, ушла с тобой.

– Есть, товарищ капитан!

Со стороны немецких позиций показались танки, за ними бежала пехота. Борис дал команду к прорыву. Батальон покинул позиции, осталось два десятка бойцов и «сорокапятка», единственная уцелевшая пушка из приданной батальону батарее.

– Один, два, три...четырнадцать..., да ну их к чёрту, считать, – Борис сплюнул и прицелился к прицелу пулемёта.

Справа раздался пушечный выстрел. Перед головным танком взметнулся фонтан земли. Второй снаряд поразил цель, танк загорелся. Молодцы артиллеристы, подумал Борис. На позиции батальона стали рваться снаряды, немецкие танки стреляли на ходу, пытаясь подавить орудие. Но «сорокапятка» продолжала стрелять. Вот и второй танк загорелся. Орудие, выставленное на прямую наводку, расстреливало танки в упор. Из траншеи выскочил боец и, извиваясь, как змея, пополз навстречу наступающим танкам. Вот он привстал на колени и мощным взмахом швырнул гранату в бок немецкого танка, поравнявшегося с ним. Танк загорелся, а боец рухнул на землю, сражённый автоматной очередью.

Танки и наступающая пехота врага уже были совсем близко, можно было различить лица немецких автоматчиков. Ну, пора, решил Борис, сейчас уложу пехоту, а ребята пусть разделяются с танками. Внезапные, точные, короткие пулемётные очереди, срезающие немцев, заставили их залечь. Заговорила умолкнувшая, было, пушка и первым же снарядом поразила танк, ещё один танк остановился и загорелся, подорванный гранатой. Немецкие танки, не дойдя до траншеи батальона, остановились, и стали медленно пятиться. Прижатая пулемётным огнём пехота врага поднялась, и под прикрытием своих танков побежала.

Борис устало откинулся от пулемёта и прислонился спиной к стенке траншеи. Потом поднялся и пошёл вправо, туда, где стояла пушка. Вокруг орудия лежали убитые артиллеристы, валялись пустые ящики из-под снарядов.

– Товарищ командир.

Борис оглянулся и увидел сидящего на ящике парня с перевязанной левой рукой.

– Ты кто?

– Рядовой Иванько, заряжающий.

– А где ребята все?

– Та нет же никого, товарищ командир, побили усих.

– А кто танк подбил, последний.

– Та я ж.

– Молодец, представлю тебя к награде.

– Э-э, яка така награда, нам вже отсюдова не выбраться.

Борис всматривался в веснушчатое, совсем ещё детское лицо, и боль оттого, что этому пареньку суждено здесь погибнуть, терзала его сердце. Нет, не бывать этому.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, ой ни, вру, цэ я военкомат обманул, чтоб меня на фронт взяли. Семнадцать мне.

– Рядовой Иванько, слушай мой приказ: я сейчас напишу письмо, его необходимо доставить командиру полка. Пойдёшь ты.

– Не могу, товарищ капитан, боец не имеет права оставить командира в бою.

– Хорошо тебя научили, правильно, только бывают некоторые обстоятельства, когда боец должен выполнить приказ, чтобы спасти жизни людей.

– Не могу, товарищ капитан.

– А, ты не можешь, ты не можешь выполнить приказ командира, знаешь, что бывает за невыполнение приказа? – Борис уже почти кричал на парня, тот съёжился и втянул голову в плечи. – Я сейчас дам тебе пакет, и попробуй не донести его. Пакет должен попасть только

в руки командира полка. И умереть ты не имеешь права, надо обязательно доставить пакет. Пойдёшь сторожко, с немцами в перепалки не ввязываться, скрытно обойти все посты.

Борис достал из полевой сумки лист бумаги, карандаш и написал: «тов. подполковник, прошу после моей смерти назначить командиром первого батальона лейтенанта Морозова. Я его рекомендую и за него ручаюсь». И размашисто расписался.

Потом свернул лист в четыре раза и отдал парню. Тот сунул бумагу за пазуху и сначала медленно, а потом всё быстрее двинулся в сторону леса.

Борис прошёл по траншее. В живых осталось двенадцать человек, почти все ранены. Он пошутил с бойцами, подбодрил их, но у самого на сердце кошки скребли. Где же подкрепление? Неужели нельзя было посадить разведчиков на танки и перебросить сюда. Они бы мигом добрались, как когда-то к мосту через реку Великую. Он, конечно, не мог знать, что командир дивизии лично дал команду сформировать отряд, посадить на танки роту разведки, и направить в помощь окружённому батальону. И в это самое время отряд, встретив ожесточённое сопротивление в пути, теряя людей, пробивался к автостраде.

Ну, ближе, ближе, ещё ближе. Борис жадно докуривал сигарку, глядя на ползущие танки.

Пора. Треск пулёмётных очередей потонул в грохоте танковых моторов. Только падающие фигурки немецких солдат выдавали зоркий глаз и твёрдую руку опытного пулёмётчика. Справа и слева от Бориса слышались автоматные выстрелы. Но их становилось всё меньше. Вот танки уже рядом, Борис едва успел отпрыгнуть в сторону, как тяжёлая машина раздавила пулёмёт. Густой сизый дым из выхлопной трубы пахнул в лицо. Он достал гранату, выдернул чеку и швырнул в уязвимое место танка – моторное отделение сзади. Взрыв, и языки пламени весело заплясали по броне.

В это время что-то толкнуло Бориса в левое плечо, и гимнастёрка сразу пропиталась кровью. Правой рукой Борис вытащил последнюю гранату, для себя припасённую – гитлеровцы уже были в нескольких метрах, мысленно попрощался с Алей, с маленькой дочкой, которую не видел и уже никогда не увидит, взялся зубами за чеку, но выдернуть не успел. Мощный взрыв снаряда швырнул на дно траншеи. Усилием воли он поднял своё раздираемое невероятной болью тело, опёрся на бруствер и увидел быстро приближающиеся родные силуэты «тридцатьчетвёрок», накрывших огнём пушек траншеи батальона, куда уже ворвались немцы.

Сознание померкло.

Глава третья. Плен

Борис открыл глаза, взгляд упёрся в низкие, изломанные своды потолка, освещаемые лишь колышущимся светом керосиновой лампы. Долго силился понять, вспомнить что-то, но это не удавалось. Где он? Что с ним? Попытался приподняться, тело пронзила сильная боль, голова закружилась, он потерял сознание.

Второй раз очнулся от громкой, лающей речи над головой. Немцы?

Открыл глаза. Прямо перед собой увидел гладко выбритое лицо с холодными светло-голубыми глазами:

– O, rus ist erwacht!²

Стоящий над ним человек в гражданской одежде, повернулся и, обращаясь к кому-то невидимому, приказал:

– Kom, kom zu mir.³

Борис скосил глаза и увидел приближающегося старика в простом, крестьянском одеянии.

– Здравствуйте, меня зовут Курт, я буду переводить вам требования немецкого командования. Это господин оберст, он – главный.

Старик посмотрел на немецкого офицера в штатском. Тот кивнул в сторону Бориса, и отрывисто заговорил, обращаясь к старику. Борис изучал немецкий в школе, а потом и на курсах, но сейчас совсем его не воспринимал. Старик перевёл:

– Вы находитесь в закрытом месте, вам не причинят вреда, и не будут спрашивать никаких сведений.

Старик замолчал, перевод давался ему с трудом, он нещадно путал слова и запинаясь.

Борис решил спросить у старика, для чего он тут, но тот, получив какие-то указания от офицера, не замедлил перевести:

– Вы должны делать то, что вам будут приказывать, а пока поправляться. И ничего не спрашивать, всё узнаете в своё время.

Старик и немецкий полковник вышли, лязгнув замок железной двери.

Десятки вопросов роились в голове Бориса. Где он находится, кто такие эти люди? Вспомнил последний бой, приближающихся фашистов, и своё решение взорвать себя и их. Что же случилось дальше, когда потерял сознание? Сколько времени прошло с тех пор? Где его дивизия, ведь она была уже на подступах к Берлину? Не имея возможности найти ответы, устав от тревожных мыслей и дум, Борис решил последовать совету немецкого полковника. Закрыв глаза и провалился в тяжёлый сон.

Прошло несколько дней. Счёт времени Борис вёл по завтракам, обедам и ужинам, которые приносил старик. Дневного света в комнате, где он лежал, не было, лишь керосиновая лампа. Борис определил, что находится в большой пещере или штольне. Видимо, в ней размещались помещения различного назначения. Здесь была вентиляция, но для освещения использовались керосиновые лампы. Пищу готовили где-то поблизости, до Бориса доносились запахи, приносили её горячей. Она не отличалась разнообразием, но наряду с консервами, там были картофель, овощи и хлеб. Борис пытался разговорить старика, кроме него в комнату никто не заходил, но узнал только то, что тот о себе рассказал.

² O, rus ist erwacht! (нем.) – O, русский уже проснулся!

³ Kom, kom zu mir. (нем.) – Иди ко мне.

В 1914 году Курт был военным фельдшером, воевал на Восточном фронте. Там он попал в русский плен и пробыл в России до конца войны. В плену и выучил русский язык. Возвратившись, домой, поселился с семьёй в небольшом городке. После начала войны с Россией, его неоднократно привлекали для переводов – появилось много русских военнопленных. Они работали на предприятиях и у фермеров, переводчик требовался всегда. В последнее время, когда Красная армия вошла в Германию, русских военнопленных уже не стало, их – то ли перевели куда-то, то ли ликвидировали. А месяц назад его мобилизовала СС. В этой пещере он уже месяц, знает только, что Германия проиграла войну, а русские взяли Берлин. Бориса принесли солдаты СС, он был тяжело ранен, но сейчас идёт на поправку. Больше он ничего сказать не может, и о своей судьбе тоже беспокоится.

Через неделю Борис стал подниматься, Курт менял повязки, раны быстро заживали, и контузия, от которой Борис заикался, тоже проходила. Молодой, сильный организм переборол ранения. Однажды вместе с Куртом пришёл и полковник.

– Не буду от вас скрывать, что мы взяли вас после одного из боёв для определённой цели. Курт старательно переводил, иногда переспрашивая и уточняя у полковника. Они сидели втроем за большим прямоугольным столом, на котором возвышалась квадратная бутылка шнапса и пузырилась газом минеральная вода. – Германия проиграла войну, я уже давно знал, что это случится, и обдумал всё заранее. Вы – храбрый, боевой офицер, я уважаю достойных солдат противника. Но теперь мы можем стать союзниками. Я мог бы убить вас ещё тогда, но сразу решил, что мы понадобится друг другу. Я сохранил вашу жизнь, а вы должны сохранить мою. – Полковник кивнул Курту, тот налил в маленькие рюмки шнапса, а в высокие резные стаканы – минералки. – За наш общий успех, – полковник выпил, не чокаясь, за ним Курт. Борис поднёс рюмку ко рту и опрокинул залпом.

«Ну и гадость», – подумал про себя.

– Я слушаю, господин оберст.

– Теперь к делу. Полковник придвинулся ближе к Борису, положил руки на стол, чтобы показать важность предстоящего разговора. – Мы находимся в советской зоне оккупации Германии. Вы должны помочь нам перейти в американскую зону.

– Что я должен для этого сделать?

– Все детали операции мы обсудим позже. А пока скажу только одно: я лично, по указанию рейхсфюрера, спрятал золото и драгоценные камни, поступившие из концлагерей, в надёжном месте. Сейчас оно находится на территории, контролируемой американцами. После того, как мы туда попадём, можете выбирать: или вернётесь в советскую зону, где вас будут долго допрашивать и, скорее всего, упрячут в какой-нибудь сибирский лагерь, или станете очень богатым, получите свою часть от спрятанного. Пойдём небольшим отрядом. Срок подготовки – две недели. – И добавил, уходя: – Я умею быть благодарным.

Вечером, когда Курт принёс ужин, Борис попытался задать несколько вопросов:

– Курт, а что ты делаешь в этой компании?

– Я же говорил, что меня мобилизовали как переводчика.

– Так война же кончилась, иди домой.

– Станный вы человек, кто же меня отпустит, застрелят и всё, если буду настаивать на своём.

Борис понял, что Курт, хотя и не является эсесовцем, но, как немец, пунктуален и привык исполнять приказы.

– А что, оберст и тебе тоже обещал награду золотом?

– Мне – нет. Обещал, что хорошо заплатит, и я буду обеспечен на всю жизнь. А у меня семья большая, мы бедно живём, от Гитлера ничего не получили, только сына моего забрал на войну, да так и сгинул где-то на Восточном фронте.

– Ты пойдёшь вместе с оберстом за драгоценностями к американцам?

Курт опасливо оглянулся на дверь, потом приблизился к Борису и прошептал:

– Я так предполагаю, господин капитан, что драгоценности эти где-то тут поблизости находятся. Но оберст боится их выдать русским, его расстреляют, а золото и камни заберут себе.

– Да уж, не напрасно боится оберст, только не себе заберут наши, а государству отдадут.

– Так это ещё хуже: ни себе, ни людям.

Всю ночь в штольне велись какие-то работы, стук и отрывистые голоса не давали уснуть. Борис обдумывал ситуацию, в которую попал: слишком много неизвестных, чтобы можно было принять правильное решение. Чего же, по-настоящему, хочет эсесовский полковник: переправить эти драгоценности в американскую зону, даже если они и находятся в этой штольне? Это слишком опасно сейчас, когда на дорогах усиленные посты, а в Германии миллион советских солдат. Может быть, он не успел уйти к американцам, когда наши ещё были только на подступах к Берлину, и сейчас пытается это сделать? Маловероятно, он мог бы выехать намного раньше, скорее всего, он остался для завершения какого-то важного дела. Какого? Как это связано с драгоценностями? Пока одни вопросы, на которые нет ответов.

Борис повернулся лицом к стенке, надо постараться уснуть, завтра предстоит тяжёлый день.

Крытая брезентом полуторка медленно двигалась по разбитому германскому автобану. Рядом с водителем-туркменом сидел молодой капитан с многочисленными орденами и медалями на груди. В кузове было человек двадцать мужчин в полосатой тюремной одежде и круглых шапочках. Это были эсесовцы. Хотя последнюю неделю их почти не кормили, выглядели они довольно упитанно. Только старик Курт отличался своей худобой.

Борис напряжённо думал. За каждым его движением следят из кузова, на него направлены пистолеты, припрятанные под одеждой заключённых. В кузове под соломой, на которой сидят эсесовцы – автоматы и гранаты. Водителя подобрали из мусульманского батальона, ему тоже обещана награда. Все документы выправлены. Капитан уполномочен доставить к американцам английских и французских лётчиков, находившихся в концлагере. Малейшее подозрительное движение или слово могли стоить ему жизни.

Пока проезжали многочисленные посты на дорогах, опасности не было никакой, но чем ближе к линии разграничения между советскими и американскими войсками, тем всё более тщательными становились проверки. Самое опасное, если кто-то усомнится в подлинности документов и начнёт звонить по начальству.

– Знаешь, какой я был богатый, мой отец – эмир, у него тысячи овец паслись на пастбищах. Всё отобрали Советы. А отец воевать с ними пошёл, многих убил, но и его убили. Туркмен плохо говорил по-русски, но то, что он был идейный враг, сомнений не вызывало. – Вот приедем на место, разбогатеем, и жизнь наша изменится.

Борис слушал вполуха, он настойчиво искал выход из того положения, в котором очутился. Больше всего беспокоило то, что может случиться, если проверка обнаружит, что он не погиб в бою, а жив и действует заодно с врагами. Тогда и расстрелять могут за измену. Попробуй, докажи потом. Да и нельзя допустить, чтобы эсесовцы попали к американцам. Лжёт оберст, или говорит правду – для Бориса это значения пока не имело.

День клонился к вечеру, но никакого плана в голове Бориса так и не возникло. Курт передал приказ полковника – остановиться в безлюдном месте, а лучше всего заехать в лес.

До линии разграничения, судя по карте полковника, в которую Борису удалось заглянуть краем глаза, оставалось полтора десятка километров, но он не рискнул ехать ночью. По ночам патрули усиливали, в лесах ещё бродили остатки разгромленных гитлеровских частей.

Перекусили сухим пайком, курить полковник запретил. Были запрещены также всякие разговоры, только шепотом. Четыре человека – первая смена, назначенная в караул, исчезли в наступающей темноте. Остальные расположились на ночлег. Борис и туркмен в центре, солдаты по кругу. Борис не сомневался, что полковник назначил следящего за ним, да не одного. Через час полностью стемнело, ночь выдалась безлунная. Борис лежал с закрытыми глазами, но чутко прислушивался к шорохам вокруг. Часа через два сменился караул. Борис выждал ещё с полчаса и начал вставать. И тотчас же услышал шепот за спиной:

– Halt⁴!

Он обернулся и увидел направленный на него автомат. Так, один есть. В то же мгновение и второй солдат поднялся.

– Я до ветру, по малой нужде, – он показал солдату, что ему нужно. Солдат подумал секунду, и тут же выдохнул:

– Heir⁵?

Здесь? Как это можно здесь, люди лежат вокруг вповалку. Солдат ткнул автоматом в сторону ближайшего дерева метрах в десяти. Это была его ошибка. Борис осторожно, ступая между лежащими, направился к дереву, солдаты, держа автоматы наизготовку, последовали за ним.

Э-эх, ребята, подумал Борис, да в такой темноте шагнул в сторону, и пропал. Он нагнулся, делая вид, что поправляет сапоги, и вдруг резко дёрнул на себя ноги рядом стоящего эсесовца. Тот вскрикнул от неожиданности и полетел на землю, но Борис уже исчез в темноте.

Выстрелов не последовало, полковник запретил стрелять. Пробежав несколько десятков метров, Борис остановился, хорошо бы взять «языка». Где же караульный? Раздался негромкий свист, это полковник созывал караульных. Ага, вот и он. Опытный разведчик не забыл свои навыки. Сейчас солдат перебросит автомат за плечо, идти с автоматом наизготовку по тёмному лесу трудно. Ну, пора. Борис прыгнул на эсесовца, который так и остался в круглой шапочке. Удар кулаком в висок, тело обмякло, автомат за плечи, шапочку в рот, вместо кляпа. Ремнём скрутить руки сзади и привести в чувство. Теперь можно двигаться.

Самое лучшее – это вернуться к дороге и пройти назад до блокпоста, который проезжали вчера, решил Борис. Это, по его прикидкам, километров пять. Что может сделать эсесовский оберст? Ему надо до рассвета выйти к линии разграничения и скрытно пересечь её. Когда посветлеет, лес будут прочёсывать, и у него не останется шансов.

Борис торопился, понимая, что оберст рвётся вперёд и использует для этого все средства. Вскоре он, ведя эсесовца на ремне от португеи, вышел к дороге и через час был уже около блокпоста.

⁴ Halt (нем.) – стой.

⁵ Heir (нем.) – здесь?

Глава четвёртая. Подследственный

– Стой, кто идёт?

Луч мощного фонаря осветил Бориса и человека в тюремной одежде со связанными руками.

– Свои.

– Какие ещё свои? Пароль.

– Пароля я не знаю, был в плену, веду «языка».

– Кто такой?

– Командир первого штурмового батальона...полка...дивизии капитан Шаталов.

– Подойди ближе капитан, оружие на землю, руки вверх.

Подскочили два бойца, обшарили Бориса и эсесовца, и повели обоих в караульное помещение.

Молоденький лейтенант, проверив документы Бориса, связался с кем-то по телефону:

– Товарищ майор, прошу проверить капитана Шаталова... да сейчас, он вышел на КПП с человеком в тюремной одежде. – Есть! – лейтенант положил трубку и сказал, ни к кому, не обращаясь:

– Подождём пятнадцать минут.

Борис сидел, молча, его никто ни о чём не спрашивал, и он приготовился к самому худшему. И оно, это худшее, не заставило себя ждать.

Длинный, тревожный звонок разорвал тишину, лейтенант снял трубку:

– Да, товарищ майор, понял, слушаю товарищ майор – до вашего приезда не допрашивать.

Он кивнул двум солдатам, показывая на Бориса:

– Связать, и этого тоже получше, – он ткнул пальцем в эсесовца.

Потом торжествуя произнёс, глядя Борису в глаза:

– Капитан Шаталов геройски погиб полтора месяца назад. А кто ты такой на самом деле и откуда у тебя эти документы выяснит утром СМЕРШ.

Борис почувствовал, как засосало под ложечкой:

– Лейтенант, нельзя ждать до утра, у меня очень важные сведения.

– Что, на тот свет раньше времени не терпится?

Борис взглянул в торжествующие глаза лейтенанта, который, наверное, гордился тем, что поймал шпиона. Такому бессмысленно что-либо доказывать. И вдруг горячая волна ярости и гнева подступила к горлу, он вскочил и заорал:

– Щенок, как ты смеешь так со мной разговаривать, да ты ещё за партой сидел, когда я этими руками фашистов глушил. Прошу связать меня с командиром дивизии – полковником Погодиным.

– А с генералом, командующим армией, тебя можно связать? – насмешливо кривясь, спросил лейтенант.

«Похоже, мальчишка и впрямь меня за шпиона принимает», пронеслось в голове у Бориса. Дело – швах, оберст может уйти.

– Да, можно связать с генералом, он меня лично знает, он мне орден и офицерские погоны на переднем крае вручил.

Как ни странно, но эти последние слова произвели на лейтенанта впечатление, он, скорее всего, и повоевать-то, как следует, не успел.

– Вас считают погибшим, – после некоторого молчания произнёс он.

– Да, считают, я остался с бойцами прикрывать прорыв батальона из окружения. Погибли все. А меня раненого, без сознания, взяли в плен. Да не это сейчас главное.

И Борис рассказал лейтенанту об эсесовцах в тюремной одежде, о спрятанных драгоценностях. Лейтенант смотрел на него совсем другими глазами, и даже обращаться стал на «вы».

Уже минут десять он крутил ручку телефона, пытаясь привести в чувство сонного телефониста. А тот изо всех сил старался отвязаться от назойливого лейтенанта:

- Да пойми ты, спит подполковник, не могу я его будить.
- Дело важное, не терпит отлагательств.
- Ну, до утра любое дело потерпит, командир, уже которую ночь не спит нормально.
- Это дело до утра терпеть не может.
- А что случилось?
- Крупное подразделение эсесовцев в лесном массиве прорывается к американцам.
- Ладно, доложу, только держись, если мне достанется.

– Товарищ подполковник, – адъютант командира полка тряс его за плечо, – товарищ подполковник, ну вставайте же. – Подполковник только мычал, и просыпаться не хотел. – Товарищ подполковник, капитан Шаталов на проводе.

Подполковника словно подбросило:

– Что ты сказал, повтори, чёртова кукла, – последние два слова были его любимой поговоркой, – ты мне что, сказки по ночам рассказывать вздумал?

– Если это сказка, то я – Андерсен.

Но комполка шутки не принял, а выхватил телефонную трубку из руки адъютанта.

– В трубке что-то щёлкнуло, и чёткий голос произнёс:

– Товарищ подполковник, докладывает капитан Шаталов...

– Подожди, – перебил его сразу очнувшийся от сна командир, – ты откуда... ты где...

Шаталов, живой?

– Живой. Меня не так просто завалить, товарищ подполковник.

– Вот чёртова кукла, а мы тебя похоронили уже, памятный знак поставили на месте того боя, к Герою тебя представили... посмертно. А ты живой.

Через десять минут полк, расквартированный неподалёку, был поднят по тревоге, а ещё через полчаса подразделения вышли на исходные позиции к опушке леса, охватывая его полукольцом.

Комполка лично приехал на КПП, и лейтенант, стоя в углу комнаты, восторженно смотрел, как два увешанных орденами, прошедшие огонь и воду человека, обнимались и тискали друг друга.

Как ни убеждал командир, что полк и без Бориса справится, он всё равно напросился на участие в операции:

– Я эту кашу заварил, мне и расхлёбывать, – с улыбкой говорил он подполковнику.

Прошло уже более двух часов, как Борис покинул лагерь эсесовцев. За это время эсэсовцы могли выйти из леса, чтобы ещё затемно перейти линию разграничения. Хотя по ночному лесу быстро не побежишь и на это надо брать поправку.

Борис углубился в лес на пути возможного следования группы, в которой сам недавно находился. За ним цепью шли бойцы. Слух и зрение Бориса были настороже, чутьё разведчика подсказывало, что отряд эсесовцев рядом. Луна вышла из-за туч, и в её неверном свете Борис увидел беззвучнодвигающиеся силуэты.

– Стрелять только по моей команде, – передал он по цепи.

Немцы, возможно, тоже заметили бойцов, их движение прекратилось. Никто не решался выстрелить первым, чтобы не обнаружить себя в темноте. Вдруг из чащи вырвался человек. Он бежал и кричал:

– Nicht schissen! Не стреляйте, камараде, не стреляйте, товарищи.

Борис узнал старого Курта. Из кустов, где засели эсесовцы, раздалась короткая автоматная очередь, и крик его захлебнулся. Немцы, поняв, что обнаружены, решили идти на прорыв, они надеялись проскочить в темноте. Мощным автоматным огнём и гранатами, они прокладывали себе путь. Сблизившись с бойцами, схватились врукопашную. Борис сразу вычислил оберста по блестящей под лунным светом пряжке ремня, с которым тот никогда не расставался. На пряжке было выгравировано: «Гот мит унс» – с нами Бог.

«Ну, Бог тебе сегодня не поможет», подумал про себя Борис, боясь только одного, чтобы оберста не застрелили. В несколько прыжков он настиг немца и свалил его на землю. Они катались по земле, пытаясь одолеть один другого. Оберст оказался хорошо подготовленным физически, и знал приёмы борьбы, а Борис ещё не совсем оправился от ранений.

Неизвестно, чем бы закончилась эта борьба, оберст уже оседлал Бориса и вытащил нож, если бы подоспевший боец не ударил его по голове.

– Ну что ты наделал, – с таким отчаяньем произнёс Борис, глядя на неподвижно распростёртое тело, как будто потерял родственника.

– Виноват, товарищ капитан, я же легонько его, скоро оклемается, – сокрушённо ответил боец. Он посветил в лицо лежащему на земле человеку фонариком, и Борис с удивлением увидел, что это совсем не оберст, а один из эсесовцев, подпоясанный ремнём оберста.

Два свободных дня, которые выпали Борису после боя, ставшего для него заключительным в этой войне, он занимался эпистолярным жанром. Изгрыз уже второй карандаш, старательно описывая всё происшедшее с ним за последние месяцы. Написал два больших письма и отдал их на почту. Он думал о том, как обрадуется Аля, получив от него весточки.

Но этим письмам никогда не суждено будет дойти до адресата.

Неделю спустя Бориса вызвали в контрразведку. Долго допрашивали о том, как попал в плен, как оказался среди эсесовцев. Потом отпустили, потом вызвали вновь.

На этот раз его допрашивал незнакомый майор, присланный видимо, из отдела контрразведки фронта. Что-то серьёзное, наверное, случилось, раз они этого тыловика важного прислали, подумал Борис.

Глядя в глаза майору, он уже в десятый раз рассказывал всё о себе и о задаче эсесовского отряда. Тот согласно кивал головой, но Борис чувствовал, что майор ему не верит. Он закончил рассказ и ждал реакции майора.

– Знаете, капитан, – нарушил молчание майор, – не буду от вас скрывать что у нас имеются совсем иные данные, чем те, которые вы нам здесь рассказываете.

Борис почувствовал, как откуда-то из глубины поднимается душная волна ярости и злости. «Спокойно, спокойно», твердил он себе. В голове появилась боль, которая после ранения, иногда возникала, особенно в минуты сильного нервного напряжения.

– Давайте так, капитан, откровенность на откровенность. Я знаю, что вы боевой офицер, прошедший трудный путь со своей дивизией. Я только не могу понять, для чего вам это понадобилось.

– Что «это», что «это»? Вы мне загадки загадываете?

– Зачем вы – молодой советский человек, офицер, решили присвоить себе драгоценности, отобранные фашистами у сожженных в концлагерях людей? Утаить их от государства.

– Ах, вот оно что, – Борис нервно барабанил по столу костяшками пальцев, – я только одного не пойму: или вы мне лапшу на уши вешаете, или вам её кто-то навесил.

– Осторожнее на поворотах, капитан, голос майора стал жёстче, – полковник СС Кроненберг успел нам всё рассказать.

– И вы верите какому-то эсэсовцу, он мог придумать любую дезу, чтобы выкрутиться. Кстати, как вы его достали?

– Мы взяли его при попытке уйти к американцам. К сожалению, он был допрошен только один раз, вечером, а ночью ему удалось снять охрану и уйти. Утром его застрелили на контрольно-пропускном пункте, он прятался в кузове крытого грузовика и бросился бежать, когда его обнаружили.

Борис усмехнулся, и этот человек, всю войну просидевший в штабе, возглавляет отделение контрразведки, далеко ему до этого эсэсовца Крона.

– Я не удивлюсь, если вы скажете, что это оказался не он.

– Да вы провидец, капитан, это оказался крестьянин, в его мундире и с его документами. А может быть, вы уже эти штучки немецкие изучили, пока были в плену?

– Эти штучки можно изучить и сидя в штабе фронта, в отделе контрразведки, если немного шевелить мозгами.

– Не груби капитан, – неожиданно перешёл на «ты» контрразведчик, – полковник на допросе показал, что вы с ним вместе разработали план операции по вывозу драгоценностей на запад. Поскольку, задача эта непростая, вы решили привлечь к этому американцев, а в доказательство существования драгоценностей, чтобы они вам поверили, взяли с собой немного.

Майор открыл сейф, вытащил из него шкатулку, тонкой серебряной работы и раскрыл перед Борисом. Шкатулка была полна: тусклой желтизной блестело золото, сверкали разноцветными искрами алмазы, рубины, изумруды, молочно-белые нити жемчуга сплетались с браслетами и подвесками.

– Это мы обнаружили в машине. Теперь ты расскажешь, где спрятано всё остальное, и какие планы строили вы с полковником.

Борис молчал, поражённый невероятным поворотом судьбы: он, никогда не терявший самообладания в смертельном бою, находивший выход из самых невероятных обстоятельств, остававшийся в живых, когда лапы смерти уже смыкались на горле, вдруг ощутил бессилие перед этим холодно – высокомерным майором, перед системой, которая сомнёт его, даже не выслушав, а если и выслушает, всё равно не поверит.

Ужасно болела голова, эта боль накатывала волнами, заставляя закрывать глаза и крепко сжимать зубы, боль туманила мозг и рождала ярость.

– Ну, так что, будем молчать или признаваться?

Борис поднял голову и посмотрел в глаза майору:

– Ты – подлая дрянь, тыловая крыса, отсидел войну в тёплом кресле. Теперь хочешь орден получить за то, что врага нашёл. Я таких, как ты, давил вот этими руками и тебя раздавлю.

Борис уже не контролировал себя, кровь бросилась в голову, он вскочил на ноги и схватил майора за грудки. Тот лихорадочно выдернул пистолет из кобуры, но куда ему было тягаться с реакцией разведчика. Борис рванул вверх тяжёлую табуретку, на которой сидел, и молниеносно опустил её на голову майора. Тот, обливаясь кровью, рухнул на пол. А Борис, как в бреду, начал крушить и ломать в кабинете всё, что попадало под руку, пока пятеро прибежавших на шум караульных не скрутили его.

– Ну, как он там? – поднялся навстречу вышедшему из палаты врачу подполковник.

– Депрессия после тяжёлого нервного припадка, нервное истощение. Сейчас, когда война окончилась, такое часто случается, хорошо не поубивал никого.

– Да одного крепко приложил, до сих пор в сознание не пришёл, – вскользь бросил подполковник, он, как и многие в войсках, недолюбливал элиту, которой считалась контрразведка, хотя признавал, что она делает нужную и опасную работу, – а навестить его можно?

– Пока лучше не беспокоить, я даже следователям запретил, реакция возможна непредсказуемая.

– Ну и натворил ты дел, чёртова кукла, – скороговоркой тараторил подполковник, вытаскивая из рюкзака яблоки, консервы, лук, немецкое сало, хлеб, огурцы и бутылку виски. – Американцы обеспечивают, – кивнул он на бутылку, – тебе можно?

– Можно – не можно, наливайте, и так тошно здесь лежать, ещё и этой радости лишиться.

– Что, следователи тормозят?

– Уже раза три приходили, полковник какой-то, говорят «важняк» из Москвы.

– Ну, ты держись, я своё мнение следствию высказал, и по команде передал, жаль, что комдива уже перевели, а командующий армией в Москве, на повышение пошёл.

Два автоматчика привели Бориса в комнату с зарешеченными окнами и связали руки за спиной. Плохой знак, подумал про себя Борис.

Полковник писал что-то, сидя за столом. Увидев Бориса, он привстал и жестом пригласил его сесть. Стул не шелохнулся под телом Бориса. Привинтили, невесело подумал он.

Полковник совсем не походил на того майора, был спокоен и приветлив, называл Бориса только на «вы», но звания его не упомянул ни разу. Тоже плохой признак, решил Борис. Эти признаки, выявленные чутьём опытного разведчика, всегда сулили неудачу.

– Я сегодня задам вам всего лишь несколько вопросов и хочу услышать ваше мнение, – полковник был, как обычно, вежлив. Что-то новое, подумал Борис и, видимо, удивление отразилось на его лице. – Мы ценим ваше мнение, как опытного разведчика и боевого офицера, и кроме всего, нам необходимо воссоздать точную картину происшедшего и понять мотивации, – Борис кивнул, хотя недоверие его к следователю не уменьшилось.

– Как вы думаете, почему оберст Кроненберг оговорил вас, если на самом деле ничего подобного не происходило?

Борис ненадолго задумался:

– Я считаю, что он этим хотел увести ваше внимание в сторону: как же, советский офицер сотрудничает с врагом, это – новый, неожиданный, и очень привлекательный ход для советской контрразведки. А самому выиграть время, ослабить внимание к нему, ну, и вызвать доверие к его показаниям. Заодно со мной рассчитаться за то, что не выполнил его условий, сорвал операцию, погубил людей, и его самого. Кстати, то, что я сбежал и выдал немецкую группу, можно было бы расценить, как желание избавиться от партнёра и завладеть всем богатством. Это прекрасно вписывалось в его ментальность.

– Разумно. Вы уже говорили, что не можете показать дорогу к штольне, где вас держали. А всё-таки можно ли вычислить, где находится это место.

– Я выехал из штольни, сидя в кузове с солдатами, кузов крытый, местность, где проезжали, не видна. На предыдущих допросах уже очертил, примерно, круг на карте, где, по моим расчётам, могла находиться штольня.

– Хорошо. В своём заключении я укажу, что доказательная база вашей заинтересованности в этой истории с драгоценностями, недостаточна. Она основана только на показаниях сбежавшего немецкого офицера. Но покушение на жизнь следователя контрразведки следует рассматривать, как преступление. Поэтому, я подписал постановление о вашем задержании.

– И что дальше?

– А дальше, как обычно, решит суд.

Военно-полевой суд решил дело быстро – признал преступление не простым хулиганством, а попыткой помешать следствию, физически устранив следователя. Десять лет лагерей.

Перед отъездом в комнату, где в приспособленном под гауптвахту здании сидели офицеры под следствием, влетела записка, привязанная к камешку.

«Борис, не теряй бодрости, мы с тобой и это дело так не оставим».

Записка была написана печатными буквами, без подписи, написавший её явно опасался стукачей. Но Борис знал, кто автор.

Глава пятая. Из огня, да в полымя

– Навались, – высокая сосна поддалась напору толкавших её людей, и нехотя, со скрипом, треща своими разрываемыми волокнами, рухнула на снег, ломая мелкий подросток.

– На сегодня всё, очищаем и вытаскиваем, – раздалась команда и несколько сучкорубов гулко затюкали топорами, обрубая ветви.

Зимний день на севере короток и вскоре колонна вытянулась по протоптанной в снегу дороге, устало вышагивая к едва согретым «буржуйками» баракам, к тёплой вечерней баланде. В массе серых телогреек и таких же серых лиц трудно было отличить одного человека от другого. Но они отличались, хотя в единой колонне шагали бывшие «власовцы», украинские «лесные братья», дезертиры, военнопленные, освобождённые из немецких лагерей и просто уголовники. Тут же были и солдаты, совершившие какие-то проступки, и редкие офицеры попадались.

Два года прошло, как привезли Бориса в этот северный лагерь. Он усмирил свою гордыню, принял непривычные для него порядки, которые там царили. Сейчас основной его целью было выжить, как и там, на фронте, победить и выжить. А враг, в отличие от фронта, был неявным, и победить его было труднее. Победить свою злость на кого-то, своё недовольство, плохое настроение, депрессию. Изменить отношение к людям, ведь они такие, на самом деле, какими ты их желаешь увидеть.

Вот с людьми местными не сложилось. Не мог он принять непонятные для него, непосвящённого, порядки. Борис был всегда далёк от блатной, «зэковской» среды, а теперь его окунули туда с головой.

А началось всё ещё на этапе.

– Можно тут приземлиться, пехота? – Борис обратился к парню в солдатской форме, рядом с которым было свободное место.

– С-седай, – парень кивнул, – т-только я теп-перича не пехота, а з.к. Борис подложил вещмешок под голову и задремал, укачиваемый стуком колёс теплушки, в которой везли на Север партию заключённых. Рядом гудела «буржуйка», даря тепло промёрзшим людям, с осунувшимися от бессонницы и тяжёлых дум, лицами.

– Вставай, чего разлётся, – разбудил Бориса чей-то грубый голос, и носок сапога ткнулся ему в бок. Борис приподнялся на локте и увидел пять человек, видимо, только что вошедших в вагон, – и ты тоже, – повернулся человек к его соседу. Борис не пошевелился, пытаясь оценить обстановку. Скорее всего, этой группе, вошедшей с мороза, понравилось место возле печки.

– Располагайтесь, – Борис показал на полупустой вагон, – места всем хватит, – он старался говорить, как можно более миролюбиво, понимая, что одному с пятерыми не справиться. На остальных случайных попутчиков надежды было мало.

По тому, как вели себя эти люди – вальяжно, нагло, грубо, Борис решил, что это какая-то сплочённая группа, скорее всего уголовники.

«– Ты что не слышал», – говорящий пнул его сапогом, – выматывайся отсюда.

– Борис взглянул на лежащего рядом соседа и, вдруг, уловил в его равнодушных вроде бы глазах, живую искру понимания и поддержки. Такие искры проскакивали меж разведчиками, когда обстановка складывалась так, что нельзя было произносить слова и даже шевелиться, надо было понять товарища по взгляду.

Сосед едва заметно кивнул, Борис резко ухватил сапог и рванул его на себя, одновременно подбросив вверх своё тренированное тело. Ближайший из вошедших даже не успел вынуть рук из карманов, как получив от Бориса удар в челюсть, рухнул на пол. Краем глаза

Борис зацепил своего вскочившего соседа. Это оказался высоченного роста детина с огромными ручищами. Схватив двоих, он с силой столкнул их лбами, и, отбросив, как мешки, ударил сапогом в живот третьего, переломив его пополам. Прошло не более полминуты...

Потом, не торопясь, повернулся к Борису и протянул ему руку:

– Лука.

Борис пожал протянутую ему лапищу:

– Борис.

– Тоже, небось, из разведчиков, – рассматривал рослого соседа Борис.

– Из них, свой свояка видит издалека.

– Давай займёмся этими, чтобы концы не откинули.

– Да и откинут, невелика беда, наворовались, пока мы в окопах кровью своей землю поили.

Но, всё же, подошёл к валявшимся на полу и стал приводить их в чувство, щедро раздавая пощёчины. Остальные, сидевшие и лежавшие в вагоне люди, спали или делали вид, что спали. Произошедшее их не касалось, эти тяжкие годы научили помалкивать и не вмешиваться.

Привести в чувство удалось троих, двое так и остались лежать без сознания.

Дверь распахнулась, вбежали несколько охранников в полушубках с автоматами:

– Что тут случилось?

– Да вот ребята, не поделили чего-то меж собой, ну и помахали кулаками немножко.

Охранник недоверчиво посмотрел на Борису, и приказал увести раненых.

– Разберёмся, – бросил он на прощанье.

Бориса и Луку привели в штабной вагон на следующее утро.

«– Расскажите, что там у вас произошло», – спросил лысоватый старший лейтенант – начальник поезда, обращаясь к Борису.

– Да кто их знает, не поделили что-то, заспорили, ну и подрались, да мы спали и не видели ничего толком. Они нас и разбудили.

– А они на вас показывают.

– Так они на любого покажут, лишь бы самим чистенькими выйти, – Борис старался казаться как можно более простодушным.

– У двоих сотрясение мозга, у третьего разрыв брюшины. Это как же надо было приложиться, чтобы так ударить, – старший лейтенант взглянул на старающегося казаться меньше, но всё равно возвышающегося громадой надо всеми, Луку.

Тот равнодушно, склонил голову и пожал плечами, в глазах его ничего невозможно было прочитать.

Старлей махнул рукой, и начал что-то строчить на листе бумаги, лежащем перед ним. Бориса и Луку отвели в вагон.

– Пошли мы в поиск, со мной ещё один мужик, немолодой уже, за тридцать будет, а дрожит, трясётся весь. Из пополнения, видать, отсидел войну где-то, вот, в конце взяли. – Лука рассказывал, слегка заикаясь и растягивая слова, – в овражек спустились, только подыматься стали по склону на другую сторону, а навстречу немцы, мы назад кинулись. А тут, сбоку из пулемёта саданули, мне руку обожгло. Засада. Давай из автоматов отбиваться, да гранаты бросать. А немцы нас, видимо, хотят живыми взять, потихоньку приближаются перебежками и кричат: «Рус, здавайсь!» Мы в кусты забрались, не высунуться. Я рукавом гимнастёрки руку перетянул, чтобы кровь остановить. Мужик лопочет: «всё, хана нам, убьют». Я ему: «заткнись, не паникуй, прорвёмся». А у него руки трясутся, автомат удержать не может. Вот думаю, гады, не могли нормального человека мне в пару дать, язык им, видите ли, срочно понадобился. А наших, всех, после боёв последних побил. Так этого мне и подсунули. – Принесли бачок с баландой, люди потянулись к парящему вареву. Лука замолчал, и аккуратно, стараясь не про-

лить ни капли, отправлял в рот ложку за ложкой. Потом вытер куском хлеба миску, и оглянулся вокруг, как бы интересуясь, не будет ли добавки. – С такой жратвы ноги быстро протянешь.

«– Ну, а дальше-то, что было», – спросил Борис, всё более проникаясь симпатией к этому огромному, но такому ранимому человеку.

– Дальше? – Лука задумчиво почесал затылок, светлые волосы встали торчком, – я напарнику говорю: – «Ты меня прикрой, я сейчас пойду пулемётчика успокою. А потом я тебя прикрою, ты к нашим назад по склону уйдёшь, по кустикам перебежишь. А я следом». Пополз я, а он из автомата строчит в разные стороны, в белый свет. До пулемёта я добрался, а там двое. Гранату трогать не стал, и пулемёт пригодиться может. С немцами справился, да за пулемёт лёг. Гляжу в прицел, а в кустах, где напарник сидел, движение какое-то, непонятное. Потом вижу, выходит он оттуда с поднятыми руками и кричит: «не стреляйте, я сдаюсь, я – свой». Меня такая злоба охватила, дал туда очередь, но промазал, видно, с нервов, редко со мной это случается. Немцы бросились ко мне, да куда там, я их из ихнего же пулемёта и уложил. Они достать меня не могли, позиция уж больно хороша была, на крутом склоне. Тогда немцы мины стали бросать, долго я продержался, но мина совсем рядом угодила, меня контузило, сознание потерял. – Лука говорил короткими, отрывистыми фразами, казалось, что так он меньше заикается. – Очнулся в каком-то помещении, лежу на полу, а вокруг немцы и этот – мой напарник с ними, на меня показывает и говорит им обо мне, видимо. Я ничего не слышу, контузило сильно. Толкают они меня, спрашивают о чём-то, а я им показываю, что не слышу. Наконец, поняли. Руки связали и отвели в какой-то сарай каменный, с крохотным окошком зарешёченным. А там, в углу ржавая мотыга валялась, я об неё ремень, которым руки связали, и перетёр. Через некоторое время выводят меня из сарая и в машину сажают, в крытую, видно важной птицей посчитали из-за роста моего. Это была их ошибка. А в кузов вместе со мной двое фрицев с автоматами, да в кабине офицер и водитель. Сидим так, едем. Один немец рядом со мной, другой, напротив. Тот, что рядом со мной, покурить решил, это была ещё одна ошибка. Попросил я со мной поделиться.

– А как же ты его попросил, если не слышишь ничего, да и язык не знаешь? – Бориса всё более заинтересовывала эта история, отчасти похожая на его собственную.

– Язык я немного выучил за два года, а слышать мне зачем, я ему головой и глазами показал. Он сигарету из пачки достал, мне в рот сунул, а я не курил сроду, спортом занимался, в чемпионатах страны по самбо участвовал. Тут он зажигалку к сигарете подносит, чтобы я, значит, закурил, я одну руку из-за спины тихонько вытаскиваю, чтобы незаметно было, к огоньку склоняюсь, а сам рукой до шеи его добрался и сжал со всей силы там, где артерия сонная. Хрустнуло у него там, он и сник. – Борис представил себе такую лапищу на своей шее и поёжился.

– Теперь дело секунды решали: сникшего хватаю и к тому, что напротив сидит, а этим прикрываюсь, как щитом. Как и предполагал, он первую очередь в этого немца выпустил, а мне времени хватило, голову ему свернул, как цыплёнку. Машина останавливается, видно выстрелы услышали, я – к двери, а впереди себя немца держу. Водитель дверь открывает, а на него фриц вываливается. Пока до водителя дошло, что к чему, я его очередью и пришил.

– Ну а дальше-то что? – Борис уже был весь в нетерпении.

– Ну, а дальше просто: подбегаю к кабине, из неё офицер выскакивает, меня увидел, за пистолетом в кобуру полез, да куда там. Я его в охапку и назад в кабину, по черепушке слегка пристукнул, чтобы не мешал, да за руль сел. Дорога там ведёт к линии фронта до самой передовой, я на карте видел, когда в поиск отправлялся. Ну, хотя бы несколько километров проскочить, пока немцы очухаются. Как гул орудий услышал, машину в лесочек загнал, офицера в чувство привёл и пошёл. Передовую мне переходить – знакомое дело, сколько раз бывало. Желательно брешь в обороне найти, где можно тихо пробраться. Ночи дождался, офицера посадил на поводок, в рот – кляп, чтобы голос не подал, и вперёд. Через немецкую линию

траншей перевалили тихо, но потом заметили нас и такой огонь открыли, как будто наступление началось, тут меня второй раз прихватило. На этот раз в бедро, сапог сразу кровью наполнился. Рану перетянул, да бедро не рука – кровь вытекает помаленьку. Я – бегом, и офицера пинками подталкиваю, чувствую, что слабею. Эх, не дотяну... сознание бы не потерять. Тут окрик, как музыка:

– «Стой, кто идёт, стреляю». Отвечаю: – «свои, разведчик я, веду языка, только стоять не могу, ранен». – И упал, больше не помню ничего. – Лука судорожно вздохнул, воспоминания взволновали его. Он смог продолжить только через несколько минут, на этот раз Борис не торопил его, понимая, как тяжело даётся этот рассказ. – Очнулся в медсанбате соседней дивизии, в её расположение вышел. Рассказал всё, как было, только про напарника соврал, заявил, что убило его. Стыдно мне стало за человека такого. Наградили меня.

Месяца полтора провалялся в госпитале в тылу, подлечился и в свою часть попросился. Нашу роту разведки сильно потрепали, из стариков почти никого не осталось. Мне пополнение дали обучать, командир сказал, что пришлёт мне помощника боевого.

Ну, как-то раз вызывают меня в землянку штабную. Вижу там, кроме командира полка ещё кто-то, свет от коптилки тусклый, не узнал поначалу. Комполка и говорит: вот тебе помощник обещанный, познакомься. Я подхожу ближе и узнаю того, напарника бывшего. И он меня узнал, не ожидал увидеть живым. Видно у меня лицо до такой степени изменилось, что он в ужасе попятился к выходу и выскочил наружу, я за ним. Он бежит к леску неподалёку, и я – за ним. Сзади, слышу крики: – «стой, что случилось». – В леску его и догнал, кровь в голову ударила, себя не помнил, горло его сдавил и задушил вот этими руками. Пока люди подбежали, он уж не дышал. Меня долго таскали, допрашивали, обвиняли в том, что я и сам шпион завербованный, а этого мне приказали убрать, чтобы он показаний не дал. И судили за самосуд.

Лука надолго замолчал, молчал и Борис. Его до глубины сердца поразила схожесть судьбы этого парня с его собственной.

– Значит, нам суждено держаться вместе, – наконец, смог произнести он.

В бараке было натоплено, около печки притулился новенький. Борис внимательно его рассматривал: лет под сорок, с редкими седыми волосами, круглые стёкла очков на тонком, длинном носу придавали какое-то печально – беззащитное выражение всему его лицу.

Понимая, что такому человеку придётся здесь несладко, Борис подошёл к нему и протянул руку:

– Борис.

– А меня Лазарем Моисеевичем зовут, – вскочил на ноги новенький, – Лифшиц – моя фамилия, Лифшиц.

– О, каких лазарей нам начальничек подсылает, – раздался за спиной Бориса хриловато – издевательский голос «подсадного». Так называли того, кто по научению старших, организовывал конфликты между группами заключённых, заканчивающиеся, иногда, убийствами.

– Так что ты нам пропоёшь, Лазарь?

Подсадной криво улыбался, за что и получил кличку «Кривой»

– Я, понимаете ли, не пою, у меня нет голоса. Я – учёный.

– А ноги у тебя есть учёный, может, тогда спляшешь нам?

– Не приставай к человеку, видишь, он ещё не знает местных порядков.

Борис прекрасно понимал, что назревает конфликт, уголовные давно искали повод, чтобы захватить единоличную власть в бараке.

– А тебя капитан, не спрашивают, что ты всегда лезешь не в своё дело.

– Это ты Кривой лезешь к человеку со своими дурацкими вопросами.

– Осторожней на поворотах, капитан, не забывай, где находишься.

Эта фраза, вызвала у Бориса забытые воспоминания, и он почувствовал, как начинает заводиться. Неслышно ступая, подошёл Лука:

– Об чём толкуем господа?

– Опять Кривой новенького раскручивает.

– Нехорошо поступаешь парень, – медленно проговорил Лука. Уголовные уважали его за силу, побаивались, но втайне ненавидели.

– Тихо, тихо братва, – появился старший из уголовных и, обращаясь к новенькому, – пойдём, я покажу тебе твоё место.

Он повёл Лазаря в дальний угол барака. Борис, глядя на Луку, покачал головой. Они понимали друг друга с полуслова. Лука, вдруг сорвался с места и в три прыжка догнал уходивших. Он положил руку на плечо Лазаря и тихо сказал, обращаясь к старшему:

– Он будет спать на нашей половине.

– Пожалуйста, – старший притворно – равнодушно пожал плечами, но лицо его исказила злая гримаса, которую он не смог скрыть.

Ночь – опасное время, ночь – тревожное время. Ночь – время выплёскивания злобной, неукротимой энергии, не имеющей иного выхода, энергии живого человека, загнанного в тесные бараки, в узкие рамки беспросветной жизни, в каждодневное, кажолетнее повторение всё одного и того же действия.

Ночь – время выяснения отношений, время борьбы за власть в отдельно взятом «барачном государстве». Ты убьёшь меня, если я не убью тебя раньше.

Глава шестая. Шарашка

После ужина наступало свободное время, и Борис писал письма Але. Он отправлял по два – три письма в месяц, особенно, когда сильно скучал. Описывая своё житьё, старался не заострять внимания на негативном, зная, что Аля будет переживать и расстраиваться. В письмах всегда спрашивал про дочку, которая, по его представлению должна была уже ходить в школу.

Иногда, письма возвращались с пометкой «Адресат не проживает», но чаще пропадали безвозвратно. Лазарь Моисеевич подсказал Борису, что надо написать в паспортный стол и в отдел прописки. Борис написал, но ответа не получил, видимо, людям там было не до писем из мест заключения. Однако Борис постоянно уходил вечером в каптёрку, где никто не мешал ему, даже начальство разрешало, и писал, как будто разговаривал с Алей.

Мягкая улыбка играла на его лице, образ жены будил воспоминания, он представлял её тело, такое упругое и желанное, ощущал её ласки, слышал нежные слова, тревожное томление охватывало его, и тянущее, сладостное напряжение внизу живота рождалось помимо воли.

Ночь уже давно накрыла своим крылом серые бараки за колючей проволокой, сторожевые вышки по углам лагеря, бревенчатые здания администрации. После отбоя движение прекращалось, все обитатели лагеря должны были отдыхать.

Неожиданно дверь распахнулась, и вместе с клубами морозного воздуха в помещение ворвался запыхавшийся Лазарь Моисеевич:

– Боря, Луку убивают. Уголовные.

Борис вскочил, сразу забыв и о письме, и об Але. Он хорошо знал, что может происходить в бараке в это время.

– Беги к дежурному, – бросил он на ходу Лазарю, застёгивая ватник, я – в барак.

Дверь не поддавалась, по-видимому, была припёрта изнутри. Борис надавил раз-другой, потом разбежался и ударил ногой. Дверь отлетела, он ворвался внутрь и остановился. Перед ним, там, где была кровать Луки, копошилась куча людей. Борис сразу оценил обстановку: скорей всего напали, когда Лука уже заснул, воспользовавшись тем, что Бориса нет в бараке. Могли сразу же воткнуть заточку, чтобы отключить сознание. Если сейчас ввязаться, со всеми не справиться. И тогда он сделал единственное, что можно было предпринять в этой ситуации, чтобы выиграть время. Сдержанный гул голосов перекрыл его могучий, командный окрик:

– Прекратить!

И чтобы было более доходчиво, он подобрался, словно пружина и, выдернув из кучи одного, коротким сильным ударом свернул ему челюсть. Тот рухнул на пол. Боковым зрением заметил Кривого, который, как обычно, в нападении не участвовал, а стоял на стрёме. Но сейчас, видя, что Борис один, бросился к нему, в руке его что-то сверкнуло. Всего два шага отделяло их, Кривой взмахнул заточкой, но Борис неожиданно присел. Секунды замешательства бандита Борису хватило. Он рванул на себя руку Кривого и резко ударил, переламывая её. Кривой дико заорал от боли, заточка выпала. Борис подхватил обмякшее тело и ударил его спиной о деревянный угол нар. Потом швырнул, как мешок на пол к ногам уже поднявшимся от Луки уголовникам.

На миг наступила тишина, прервавшаяся топотом сапог. В барак ворвались охранники.

– Ну, как он?

Борис остановил лагерного врача.

– Пока плохо, он без сознания.

– А что там?

– Четырнадцать проникающих ранений. Другой бы на его месте давно в ящик сыграл.

– Он выживет, выживет...

Борис схватил за рукав врача.

– Дай Бог, надо бы его в хорошую больницу отправить, у нас нет условий, ты же знаешь.

– Я прошу вас, сделайте, что можно.

После недельного пребывания в карцере, где Борис объявил голодовку, его покачивало. Лагерное начальство хотело замять инцидент, но это не удалось. Слух о драке с поножовщиной просочился и на волю. В лагерь зачастили комиссии, уголовников перевели в другой лагерь. Прошёл слух, что многим из них добавили сроки.

Луку отправили в областную больницу, дело его затребовали для повторного расследования. В барак поселили новеньких, среди них тоже были уголовники. Старшим по бараку назначили Бориса.

Лазарь Моисеевич как-то завёл с ним разговор:

– А что, Боря, можно убедить уголовных, что нам лучше держаться вместе и не враждовать друг с другом? Так мы смогли бы дружнее решать все наши вопросы и помочь тем, кто послабее.

Борис долго обдумывал это предложение и решил тайно назначить общее собрание барака.

– То, что мы враждуем между собой, на руку нашим надзирателям, они специально селят вместе уголовных и политических, чтобы не смогли объединиться. Я знаю, что среди нас есть стукачи, и сегодня же об этом нашем собрании будет известно начальству. Подумайте сами: по какой бы статье мы не мотали срок, ужиться необходимо, коли свела нас здесь судьба, и, если мы хотим выйти отсюда живыми. Это в наших интересах. Мы всегда сможем договориться, коли будем соблюдать правило: хочешь жить сам, давай жить и другому. И даже если меня завтра уберут, знайте, что можно договариваться без мордобоя и унижений, по-доброму.

Уголовники сплёвывали на пол табак, отпускали развязные шуточки, пока один уже пожилой вор не оборвал их:

– А что, братва, он дело говорит.

Не сразу, но совместная жизнь в бараке номер девять налаживалась. Пришлось ещё дважды собираться, чтобы обсудить спорные вопросы. Особенно трудно приходилось уголовникам, которые совершенно не понимали, что такое дисциплина и обязанность следовать принятым решениям.

А ещё через неделю Бориса перевели в другой барак. Он ожидал этого. Здесь уголовный авторитет сразу его предупредил:

– Ты, парень, свои шутки оставь, будешь сидеть тихо, тебе же будет лучше, да и выпустят раньше. – И, погодя, добавил угрожающе: – А если надумаешь бузить и свои законы устанавливать, подрежем тебя, как дружка твоего, ты у начальства на контроле.

Весной в лагерь нагрянули какие-то незнакомые люди. Лазаря Моисеевича срочно вызвали к начальнику лагеря, заставив, предварительно побриться и привести себя в порядок. К Борису он зашёл уже с вещмешком за плечами:

– Какое-то новое научное подразделение организовывается, меня, как специалиста – физика, туда командируют.

– На волю что ли выходите?

– Нет, срок так за мной и остаётся, только работать буду по своей специальности, в лаборатории.

– Счастливей, хоть свободы глотнёшь.

– Я тебя обязательно возьму к себе, как только устроюсь на новом месте.

– Ну, тогда до встречи.

Они обнялись крепко, постояли так с минуту и разошлись. Лазарь Моисеевич направился к вороту лагеря, где его уже ожидала повозка, а Борис – в барак.

Яркие блики скользнули по потолку, стенам, по аккуратным шкафчикам и полкам с инструментами. Сверкнули по крутящемуся валу и застыли на сосредоточенном лице, склонившемся над деталью. Глаза из-под стёкол защитных очков напряжённо следили за резцом.

Уже второй месяц Борис работает в этой мастерской, входящей в крупный лабораторный комплекс. Мастерская оборудована самыми новейшими станками, подобраны классные мастера. Сюда и определил Лазарь Моисеевич Бориса, выполнив своё обещание. Мастерская, как и вся лаборатория, была засекречена, но работающим здесь были предоставлены хорошие условия и свобода передвижения в пределах зоны. Борис мог только догадываться, какое новое сверхмощное оружие здесь разрабатывается. Даже Лазарь Моисеевич пока не мог ему ничего рассказать.

«Здравствуй, любимая моя!

Уж сколько писем отправил тебе, сколько запросов и все без ответа. Не уверен, что и это письмо дойдёт. Седьмой год пошёл, как расстались мы, всё это время я ничего о тебе не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.